НАТАЛЬЯ ИЛЬИНА

Стражи миров

Наталья Ильина

Стражи миров

«Издательские решения»

Ильина Н.

Стражи миров / Н. Ильина — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-931205-1

У деревенской девочки Чары есть мечта. Она решила во что бы то ни стало стать легендарным Стражем — наездником Крылатых коней. Она отправляется в путь к Небесным скалам, где живут Стражи и Крылатые кони. Неожиданно проявившиеся способности к магии, которая под запретом в родном для неё Мире Трёх Лун, вынуждают Чару искать ответ на вопрос — кто же она такая?«Стражи миров» вошла в лонг-листы премии «Рукопись года — 2018» от издательства АСТ и «Новая детская книга — 2018» от издательства «Росмэн».

ISBN 978-5-44-931205-1

© Ильина Н.

© Издательские решения

Содержание

Часть первая. Путь к себе 6
Глава 1 6
Глава 2 14
Скажи мне, кто твой друг 14
Глава 3 22
Стражи 22
Глава 4 31
Рискачи 31
Глава 5 38
Крылатый конь 38
Конец ознакомительного фрагмента. 42

Стражи миров

Наталья Ильина

© Наталья Ильина, 2019

ISBN 978-5-4493-1205-1
Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Часть первая. Путь к себе

Глава 1
Ночь Трёх Лун

«Чара?» – послышался тихий оклик, и она, вздрогнув, открыла глаза. В доме было очень тихо. «Сегодня! *Они* прилетят сегодня!» – радостная мысль встряхнула её, прогоняя остатки сна. Ветхая серенькая занавеска, отделяющая топчан от остального жилища, таяла во мраке. Легко ступая босыми ногами по скрипучим половицам, Чара пересекла тёмную комнату и бесшумно выскользнула на широкое, скособоченное крыльцо. Утро только занималось, первой огненной полосой высветив далёкий горизонт.

Разрезая крыльями предрассветную тьму, запоздалая ночная птица торопилась к густому лесу на краю долины. Она бесшумно скользнула над огромным, спящим в тумане лугом, над старым бревенчатым домом, стоящим на самой макушке пологого холма, над девочкой в полотняной рубахе, застывшей на крыльце.

Чаре исполнилось пятнадцать прошлой зимой, но, глядя на худенькую, угловатую фигурку с едва наметившимися холмиками грудей, на бледное, заострённое личико – угадать возраст было сложно. И только глаза, сияющие изумрудным блеском, чудесным образом оживляли невыразительный облик, делая её почти хорошенькой. Налетающий ветерок теребил длинную прядь волос, выбившуюся из неплотной, совсем светлой косы. Девочка не отрываясь смотрела вниз, сжимая у груди, словно в немой молитве, сухие, в цыпках, руки. Сердце билось всё быстрее, подгоняя время: «Сегодня!» Какие-то часы отделяли шесть лет ожидания от того, что должно было случиться – не могло не случиться! – будущей ночью.

Чара поёжилась. Босые ноги застыли на отсыревших за ночь ступенях. В доме звякнула посуда – значит, уже проснулась мать. Девочка вздохнула и вернулась к бесконечной рутине своей пресной, словно сухая лепёшка, жизни.

Тинка, деревенский пастушок и её единственный приятель, как всегда, ждал у колодца.

– На Лугу палаток понаставили, тьма! – радостно сообщил он, подхватив пустые вёдра. – И музыканты будут! Ты как, решилась?

Он был крупным, нескладным и сильно шепелявил из-за отсутствия трёх передних зубов, выбитых пьянчугой-папашей, но оставаться добрым и весёлым это ему не мешало. О том, что задумала, Чара рассказала одному Тинке.

– В темноте затеряться среди *кандидатов*? Не думаю, что это будет так уж сложно. Труднее к ним подобраться, но если ты подстрахуешь, не струсишь, то всё получится, – уверенно отозвалась Чара, налегая вместе с ним на колодезный ворот.

Тяжёлое ведро под скрип ворота поднималось вверх, а девочка засмотрелась вдаль, поверх теснящихся крыш деревни, туда, где вставал другой холм, куда более высокий. Его опоясывали крепкие городские стены. Уже неделю по большой дороге, огибая деревню и Луг, стекались к городу люди. Пешком и верхом, в повозках и затейливых экипажах прибывали торговцы, менялы, зеваки, высокие гости Лугового замка и *кандидаты* – юноши и девушки возрастом от семнадцати до двадцати лет, счастливо рождённые с благородной кровью в венах. Этой ночью, когда сойдутся в строгую вертикаль над горизонтом три луны, с неба спустятся *они*. Крылатые кони. Никто не знает, сколько их будет в этот раз. Никому не ведомо, кого выберут они себе в наездники. Кому из кандидатов посчастливится стать новыми Стражами…

Она побывала на Лугу в этот праздник уже дважды – ей тогда было девять, а до этого – три года. Тогда она сидела на плечах у отца. Тогда у неё ещё был отец. И с тех самых пор всё, что по-настоящему согревало её в жизни, было связано с мыслями о *них*…

Тинка помог Чаре донести воду до самого крыльца. Её мать, болезненно-худая, желчная и начисто лишённая теплоты женщина, встретила их появление молча, поджав губы. Девочке с трудом верилось, что она была доброй и смешливой, пока отец был ещё жив. Но, потеряв мужа, она остыла сердцем и к дочери, и к самой жизни, навсегда превратившись в ту, которая провожала их сейчас тяжёлым взглядом. А что до Тинки – мать невзлюбила его давно, ещё с тех пор, как он здорово поколотил Колдея, её очередного сожителя, заступаясь за Чару.

Тинка мгновенно исчез, подмигнув девочке напоследок. Но полные вёдра были уже во дворе, и она принялась за работу. Пришлось ходить к колодцу ещё три раза, и теперь помочь ей было уже некому.

…Чара замерла над лоханью с помутневшей водой. Мокрой рукой она машинально коснулась кулона с аккуратным силуэтом Крылатого коня на фоне плоского диска, то ли луны, то ли солнца. Единственную памятку об отце, этот прямоугольник на кожаной тесемке, она не снимала с шеи никогда. Откуда у отца появился предмет, больше подходивший Стражу, чем сапожнику, Чара не знала. Ей едва исполнилось четыре, когда его не стало. С тех пор мать больше никогда о нём не упоминала, а Чара – не спрашивала. Но спрашивать – одно, а помнить – совсем другое. Она бережно хранила и этот кулон, и свои воспоминания. Весёлые морщинки в углах глаз, большие добрые руки… Ведь именно он, отец, что-то негромко сказал ослепительно-белому Крылатому коню на самом первом празднике в её жизни. И тот послушно остановился возле отца и сидящей на его плечах маленькой Чары. Удивительный великан позволил крохотной ладошке робко коснуться гладкой шерсти на тёплой щеке и прикрыл глаза, словно это невесомое прикосновение что-то для него значило.

Она сердито отмахнулась от вьющейся над лоханью мухи и от ранящих воспоминаний. Во всём этом не было никакого смысла. Ей, рожденной не в срок, дочери сапожника и прачки, никогда не промчаться по небу на широкой спине Крылатого коня, обгоняя ветер и пригибаясь навстречу шёлковым прядям гривы… Не носить вести от города к городу, от острова к острову. Не охранять границы мира людей у Мрачных гор или за Водопадами… Не постигать тайны Стражей, служащих всем, но не подчиняющихся никому.

Ей оставалось только увидеть их снова, этой ночью. Так близко, как сможет подобраться. И всё же сумасшедшая, отчаянная надежда на чудо не покидала её, вопреки доводам рассудка.

Чара часто сетовала на своё неумение жить, как все, в маленьких печалях и радостях сегодняшнего дня. Но как же это было возможно, если в одном мире с этим мокрым бельём, с раскисающей по осени дорогой, с беспросветной серостью деревенских забав живут Крылатые кони, Стражи и их тайна? Она столько лет боролась со стойким, неизвестно откуда взявшимся убеждением, что её судьба неразрывно связана с Крылатыми конями, столько раз одёргивала себя, замечтавшуюся о подвигах Стражей, что иногда начинала сомневаться. Но – не сегодня! Сегодня самым важным было не опоздать и чётко следовать плану.

Место на лавке рядом с лоханью закончилось – она и не заметила, как перестирала всю гору грязного белья на сегодня. Полоскала и чинила бельё мать, а Чаре оставалось только подняться в город, отнести то, что было выстирано и заштопано накануне. Сложив в заплечную корзину кипы, переложенные пучками сухой душистой травы и аккуратно завёрнутые матерью в чистые полосы холста, она быстро переоделась за занавеской в углу и отправилась в путь.

Верёвочные лямки корзины, как всегда сильно отяжелевшей к концу долгого подъёма, врезались в худенькие плечи. Чара просовывала под них руки, но ладони резало тоже. Узкие,

мощёные неровным булыжником улицы города, обычно немноголюдные, сегодня заполонили приезжие. Девочка ловко огибала их, уворачивалась от столкновений, обходя грязь и кучки навоза, сгибаясь под тяжестью ноши. И всё же в городе, затерявшаяся в людской суете, она чувствовала себя куда спокойнее, чем в деревне. Там, внизу, её не слишком жаловали. За диковатый нрав и нелепые мечты даже самые добрые считали странной, остальные – чокнутой. Люди не любят, когда кто-то не желает жить, как все…

Девочка поднималась улица за улицей вверх, до самого замка. Там она сдала бельё ворчливому кастеляну, получила причитающиеся монеты и наконец разогнулась.

Обратный путь был лёгким. Чара зашагала вдоль городской стены к неприметной тропке, по которой до деревни идти было ближе. Охваченная радостным предвкушением, она ничего не замечала.

– Куда спешишь, чокнутая? – Порция яда в голосе за спиной была так велика, что Чара замерла на месте, вместо того чтобы немедленно броситься бежать. Это был Колдей, бывший ухажёр матери, пьяница и дебошир, которого она однажды огрела по голове тяжёлым валком для белья за то, что распускал руки.

Он дёрнул её сзади за пустую корзину, и Чара попятилась, едва устояв на ногах. Оказавшись лицом к лицу с невысоким, немногим выше её самой, щуплым, но жилистым мужчиной, она медленно повела плечами, сбрасывая лямки корзины, готовая обороняться. В щёлочках мутноватых серых глаз Колдея тлел огонёк мстительной ярости: мало того, что девчонка чуть не искалечила его прошлой осенью сама, так и её верзила-дружок добавил позже, ещё и угрожая при этом… Сцепиться с козопасом в открытую деревенский задира не решился – Тинкин вздорный папашка не спустил бы ему такого с рук, но Колдей поклялся отомстить. Обоим. И сегодня пришла очередь «дрянной недотроги» Чары. Он нехорошо усмехнулся: «Девчонка с ума сходит по Крылатым коням? Отлично. Она их не увидит!»

Колдей двинулся ей навстречу, дыша перегаром, слегка расставив руки. Чара сбросила корзину и, схватив её за обе лямки, размахнулась изо всех сил. Корзина описала широкую дугу, но противник увернулся с хриплым смешком.

«Не надо было уходить с дороги! Срезала, называется!» – проскочило запоздалым раскаянием. На узкой тропинке, петляющей в густом кустарнике многолиста, они были одни. «Он следил за мной», – холодея от страха, сообразила наконец Чара и присела, потянувшись за увесистым булыжником, как раз тогда, когда Колдей ринулся на неё. Он схватил руками воздух, запнулся о девчонку, и они оба, потеряв равновесие, кубарем покатились вниз по тропинке и слетели в замаскированный кустарником овражек. Чару немного предохранила куртка, а затасканная рубаха Колдея оказалась разодранной. В прорехах краснели свежие ссадины.

Он зарычал диким зверем. Из налившихся кровью глаз исчезло всё человеческое. Первоначальная идея запереть девчонку на время праздника, чтобы погоревала вволю, а после, подломив её непонятную гордыню, добиться наконец желаемого, растворилось в приступе безумной ярости. Колдей схватил Чару за горло.

Кашляя и задыхаясь, она отчаянно рванулась. Тщетно. Рискуя сломать себе шею, девочка упёрлась рукой в чужой колкий подбородок и, немыслимо извернувшись, приподнялась. Её пальцы находились в опасной близости от оскаленных зубов и пены, выступившей из вонючего рта. Она закричала, но из сдавленного горла смог вырваться только едва слышный хрип. В глазах уже совсем потемнело, когда под ладонь другой руки попал камень. Неожиданно ясная, спокойная мысль: «Сил не хватит», – проскользнула в угасающем сознании. Тьма подступила вплотную.

Она очнулась от боли. Стояли глубокие сумерки, но ещё можно было разглядеть неподвижное тело, лежащее совсем рядом. Правый висок Колдея провалился от удара острым кам-

нем, на лице его застыла гримаса неподдельного изумления. Причём правая бровь изумлялась больше левой… Он был мёртв. Чара отшатнулась и застонала от ужаса. Горло свело резкой болью, будто насильник всё ещё сжимал его. Но нет, она ясно видела огромные, такие страшные и неумолимые прежде, а теперь безвольные, совсем безопасные руки Колдея. Такие же безопасные, как и он сам сейчас.

Над верхушками кустов показалась Жёлтая луна, и Чара забыла о боли. Она крепко зажмурилась и заставила себя не думать об остывающем теле, оставшемся лежать в овражке. Выбравшись на тропинку, она подхватила корзину и что было сил побежала в деревню. Горло раздирало каждым вдохом пряного ночного воздуха. Быстро темнело. Девочка торопилась как могла, всё ещё на что-то надеясь. Пустая корзина колотила по спине и пояснице, в груди горело огнём, но Чара едва замечала боль. Показалась третья луна и начала приближаться к своим небесным сёстрам, заливая окрестности голубым светом. Далеко внизу, на Лугу, уже собрался весь город.

– Где тебя носило? – гневно поинтересовалась принарядившаяся для праздника мать.

Она аккуратно пересчитала монеты, которые девочка, сипло дыша, ссыпала на стол.

– И что это ты на себя нацепила? – В голосе зазвучало подозрение, но тут на крыльце послышался нетрезвый голос её очередного ухажёра, и гнев сменился на привычное равнодушие: – Пошли, что ли?

У первых ярмарочных палаток Чара улизнула, прокладывая себе путь поближе к ритуальному кругу. Огромный, словно отделённый от собравшихся невидимой стеной, он был пуст. Трава, зелёная при свете дня, сейчас отливала синевой. Лица собравшихся плыли белыми пятнами в лунном свете. Кандидаты, а их было много в эту ночь, выстроились полукругом по дальнему краю свободного пространства. Прямо за их спинами высился помост для господ из замка и высоких гостей, он был заполнен зрителями и окружён охраной. Где-то там напрасно дожидался Тинка.

Чара безнадёжно опоздала… Сердце девочки сдавило от горя и ярости на нелепую, несправедливую случайность. Она вспомнила огонёк безумия в глазах Колдея, снова ощутила его руки на своей шее и судорожно вздохнула. Горло обожгло резкой болью, отчаянные слёзы навернулись на глаза, мешая разглядеть кандидатов.

Голоса толпы, окружившей ритуальный круг, сливались в невнятный монотонный гул, от которого у Чары закружилась голова. Но внезапно всё смолкло. Тишина, прокатившаяся по Лугу почти осязаемой волной, поглотила все звуки. Это вышел вперёд Городской голова с медным колоколом в руке. Он, как и все, смотрел теперь в небо. Луны – маленькая Белая, Жёлтая щербатая и ослепительная Голубая – выстроились над Лугом, и тогда он ударил в колокол. Чистый звук поплыл над замершей толпой, над деревней и городом, над всеми землями Лугового замка. И они появились: десять, одиннадцать… – двенадцать! – крылатых силуэтов на фоне разноцветных лун. Чара замерла, забыв, что нужно дышать. Все за годы накопленные возражения самой себе бесследно исчезли – одно присутствие этих удивительных существ наполнило её жизнь глубоким, загадочным смыслом.

Огромные кони, складывая крылья, опускались в центр Луга. Фыркая, шумно дыша, взрывая копытами траву вместе с дёрном. Деревенские лошадки и даже господские породистые скакуны показались бы неуклюжими стригунками перед этими грациозными великанами. Но на Лугу и близко не было обычных лошадей: Крылатых коней они боялись панически.

Городской голова снова выступил вперёд, сзади к нему подоспели два крепких мужика с объёмными бадьями. Чара знала, что в них зерно и вода – часть ритуала. Крылатые кони есть и пить не станут.

Табун привёл огромный вороной жеребец. Волнистая грива целиком укрывала его мощную шею, а кончик густой чёлки касался носа. Последней приземлилась тоненькая серая кобылка, совсем молодая. Она всхрапывала, бочила, нервно переступая ногами, диковато косили угольками её глаза, да чернели по краям концы сложенных крыльев.

Три луны освещали Луг. Кони разошлись по широкой дуге и остановились напротив кандидатов. Юноши и девушки выходили к ним по одному. Захватив пригоршню зерна из одной бадьи и подчерпнув лодочкой ладони воды из другой, они по очереди подходили к каждому из Крылатых коней. Кто-то оставался, другие возвращались обратно. Никто не знает, как именно делают свой выбор Крылатые кони. Может быть, только Стражи? Но, насколько было известно Чаре по обрывкам рассказов и сплетен, Стражи, сами по себе – загадка, никогда этого не обсуждали.

Сердце девочки неистово колотилось в груди, в ушах шумело. Всем своим существом она была сейчас там, на другом краю ритуального круга, среди кандидатов…

Вороной жеребец покинул площадку, где шла церемония. Он медленно обходил Луг, совсем близко к притихшим людям. Крылатый приблизился достаточно, чтобы девочка поняла, насколько он огромен. Неукротимая сила, пугающая и восхищающая одновременно, сквозила в каждом движении, каждом перекате мышц под блестящей шкурой. Чара изо всех сил проталкивалась в передний ряд, но не успела… Мимо её лица проплыла тень сложенного крыла, в подошвы ударила земля под его удаляющимися шагами. Жеребец завершал свой обход.

Церемония выбора между тем подошла к концу. Одиннадцать счастливчиков взобрались на спины своих Крылатых коней и степенно двинулись по кругу. Успокоившись, неспешно прошагала мимо серая кобылка под стройной темноволосой всадницей… Чара даже глаза прикрыла от неожиданно острого укола зависти. Вороной великан в центре ждал завершения ритуала, спокойно глядя на плотно окруживших ритуальный круг людей. Девочка отчаянно надеялась, что вот сейчас он отыщет её взглядом и направится прямо к ней. И жизнь переменится навсегда…

Завершая круг, кони поднимались в галоп, за темп до отрыва раскрывали мощные крылья и уходили в небо. Вороной взлетел последним. Люди всё ещё продолжали стоять в тишине, словно зачарованные. И только Чара, протолкнувшись наконец вперёд, сделала несколько неосознанных шагов да так и застыла на краю опустевшего круга. Девочка, вытянувшись, подалась вверх – куда звала её душа, уносящаяся вслед за Крылатыми конями. Их силуэты растворились в небе, луны начинали медленно расходиться. Толпа загудела, зашевелилась. Разгорались огни костров, зазвучала музыка. От разномастных палаток, кольцом окружавших Луг, потянуло запахами еды. Праздник заполнял теперь всё пространство низины. Одиннадцать Стражей и шестеро – из земель Лугового замка! Им было что праздновать.

Чара брела через оживлённую толпу, обхватив себя за плечи руками, съёжившись, не глядя, куда ставит ноги. Тинка нашёл её, потерянную и оглушённую, на самой границе шумно веселившегося Луга. Там, где начиналась серая петля тропинки, ведущая наверх, в тишину деревни, все звуки и свет из которой стекли с холма на Луг. Не задавая вопросов, только скривившись так, словно ему было больно на неё смотреть, он осторожно, но настойчиво подтолкнул подругу в спину. И она послушно побрела к дому.

Уже позже, лёжа в своём углу за занавеской, совершенно опустошённая, Чара заплакала. Молча, без всхлипов и рыданий. Она свернулась в болезненно тугой комочек, подтянула коленки к подбородку, насколько позволила грубая кожа брюк (сил, чтобы раздеться, у неё уже не оставалось), и замерла на жёстком топчане, не вытирая свободно бегущих слёз.

Чара проснулась в серых сумерках перед рассветом. Потёрла сухие воспалённые глаза. Прислушалась к вязкой тишине в доме. Очень осторожно, опасаясь разбудить мать, достала из-под половицы мешочек с медными монетами – всем, что удалось скопить за последний год – и выскользнула за дверь. Сапожки – старенькие, но крепкие – она надевала уже снаружи. А потом спустилась с холма, не оглядываясь, миновала спящий в тумане Луг и быстрым шагом направилась к дороге, ведущей прочь из долины.

***

Громадный Крылатый конь, угольно-чёрный, аккуратно и почти бесшумно коснулся копытами земли, складывая крылья. Над Небесным Замком висела серая хмарь, обнимая шесть его остроконечных башен. Воздух был пропитан влагой, но шкура и жёсткие перья крыльев оставались сухими. Та же магия, которая позволяла тяжёлому телу парить над землёй, защищала вороного от воды, ударов молний и многих других неприятностей.

Ему уже исполнилось девять, а он до сих пор носил имя отца. Собственное Крылатые получали только из уст своих всадников. Сын Снежного Вихря был раздосадован и растерян. Чувство, которое не имело названия ни в одном из языков обоих миров, привело его в Ночь Схождения на широкий Луг вместе с другими Крылатыми – рождёнными в срок шестилетками. Он знал, что встретит там своего всадника. Он был в этом уверен! Но среди кандидатов его не оказалось… Не нашёлся он и в толпе зевак. Луны разошлись, и двенадцать Крылатых поднялись в небо. Одиннадцать из них несли на спинах юношей и девушек, которым была уготована судьба стать Стражами, и только вороной вернулся в Небесные скалы в одиночестве.

Крылатый передёрнулся и мотнул головой, отчего грива взлетела чёрным облаком и опала.

«Шесть лет! Шесть долгих лет до следующей попытки!» – Он тоскливо посмотрел в сторону Замка, где снижались пары юных Стражей, и вошёл в широкие ворота длинного строения, вытянутого по-над пропастью, на самом краю плато.

Непривычно громко звучал топот копыт в широком проходе опустевшего дома. Сейчас здесь был только он. Он и его отец, который больше не мог летать.

Вороной медленно прошёл в дальний конец длинного коридора, минуя пустые жилища друзей и своё собственное. В торце здания располагались покои отца и его всадника, Деллин-Стража. Музыкально затарахтела завеса, набранная на прочных нитях из полых трубочек болотного дерева. Сын Снежного Вихря замер, перешагнув порог.

Ослепительно-белый, костлявый от старости жеребец, чьи внушительные размеры напоминали о былой мощи, шагнул ему навстречу. Левое крыло пожилого великана было полуопущено и мело каменный пол концами вытертых перьев. В глубоком кресле у горящего камина утопала долговязая фигура его всадника. В его мутных глазах без зрачков тускло отражалось пламя. Абсолютно слепой, он приветливо улыбался вороному, поскольку прекрасно видел глазами своего Крылатого.

Глава Старших. Эта пара – великий воин и мудрец – ставила точку в любых спорах Стражей. И один из них был его отцом. Правда, порой вороной сомневался – который более.

– Сынок! – вслух заговорил Страж. Заговорил за них обоих, разумеется.

Вороной догадался, отчего отец предпочёл избежать мысленной речи – не захотел унижать его жалостью. Молодого Крылатого это только порадовало. Открывать им, насколько он растерян и уязвлён, совсем не хотелось.

– Не сочти нас выжившими из ума стариками, но мы видим в том, что ты вернулся один, лишь подтверждение того, что у тебя особенная судьба, – мягко продолжил слепой Страж.

– Ну конечно! – всхрапнул сын Снежного Вихря, распахиваясь настежь в своей горечи, обращаясь сразу к обоим. – Чем же ещё утешить неудачника? Объявить его особенным! Если бы кое-кто сдержал свои инстинкты десять лет назад, я не стоял бы здесь никому не нужным, бесполезным перестарком!

– Не смей! – Ураганная сила мысленной речи отца смела весь яд горьких обвинений. – Я не собираюсь перед тобой оправдываться, но прояви уважение к выбору своей Матери!

Вороной опустил голову. Сорваться заставило разочарование, но он совершенно не собирался оскорбить выбор Матери – она, как-никак, пожертвовала судьбой Стража, чтобы произвести его на свет.

– Но что же мне теперь делать? – воскликнул он с отчаянием, рвущимся из самого сердца, обращаясь к ним обоим – седому старику и седому Крылатому.

– Будешь нашими глазами и ушами, – сухим, надтреснутым голосом ответил Делин-Страж.

– И крыльями, – прошелестел вздох Снежного Вихря в голове вороного.

Они заговорили между собой, отсекая молодого от своих мыслей, и он попятился к выходу.

Ему хотелось подумать. Разобраться в своих чувствах. Выстроить хоть какую-то систему оправданий дальнейшему существованию. Как всегда, на ум пришла одна из древних легенд его народа.

Легенды Крылатых. Аттис Непримиримый.

Аттис – свирепый и гордый жеребец, водил свой табун среди лесистых гор, а равнины у их подножия служили Матерям и жеребятам домом. Но с каждой весной Люди со своими стадами подбирались всё ближе к пастбищам табуна. Распахивали дикие прежде земли. И перестали уходить с приближением Снегов, а оседали в своих деревнях. Но Крылатые продолжали снисходительно поглядывать на их копошение там, внизу, в тени широких крыльев… Так продолжалось до первого убийства. Люди вздумали охотиться на Матерей и несмышлёных жеребят-годовичков. Они убивали их ради мяса и шкур, словно безмозглый скот!

Ураганом обрушился Аттис на деревни, и Люди гибли под гневом разъярённых жеребцов, потерявших своих Матерей и жеребят.

Между Крылатыми и Людьми вспыхнула война. Её возглавил Аттис, получивший второе имя – Непримиримый, ещё до того, как стал им в действительности. И некому было бы о ней поведать, но…

В захваченный бедой мир пришёл ТанеРаас, пришёл в обличии мальчишки, простого деревенского подпаска. Многие Снега времён укрыли его человеческое имя, но им не укрыть того, что он совершил. ТанеРаас спас и выходил молодого Крылатого, раненного Людьми. Он и стал первым всадником Крылатого. ТанеРаас убедил Людей и Крылатых жить в мире, опираясь на Договор. И составлен был такой Договор, и скрепили его словом Великие Маги Людей и вожаки табунов. Только один вожак отказался принять его. Ослеплённый жаждой мести, Аттис Непримиримый задумал убить ТанеРаас, разрушить Договор. Но открылась ему правда: никто не властен над ТанеРаас, ни Люди, ни Крылатые. Каждое живое существо, каждая травинка и камень, каждая капля дождя – всё в Арисе склоняется перед силой его. Ибо сила эта – дыхание самого мира, защищающего себя.

Многие видели впоследствии одинокий силуэт Крылатого, парящий над вершинами гор. А потом он пропал, и никому не известна его дальнейшая судьба.

Храня мир по Договору, помните, Крылатые, об Аттисе Непримиримом, открывшем для всех главную силу Ариса – ТанеРаас.

Сын Снежного Вихря много раз слышал эту легенду от своего отца, как каждый Крылатый – от своего, но никогда не отождествлял себя с Аттисом. Напротив, его мечтой всегда было найти своего всадника и испытать слияние. Такое же глубокое, как у отца с Деллин-Стражем. Но теперь, лёжа на мягкой подстилке в тишине и одиночестве, он примерял на себя эту роль – гордого и непреклонного одиночки, парящего над суетой и несправедливостью жизни.

Он оглушительно фыркнул, насмехаясь над собственными мыслями. Всё это случилось тысячу лет назад и в другом мире. Здесь и сейчас у Крылатых коней не было врагов страшнее контрабандистов-рискачей или подзабытого, исчезнувшего больше двадцати Лунных лет назад ужаса Переходов. Вороной понимал, что не гордость, а гордыня внушала ему нелепые мысли.

Снаружи послышались хлопки крыльев, топот и далёкий шум возбуждённых мыслей. Возвращались домой из Замка Крылатые нового Лунного отряда Стражей, его товарищи, от которых сына Снежного Вихря отрезала вчерашняя ночь. Им предстояло ещё три года жить здесь бок о бок, пока не спустятся с далёких лугов им на смену новые малыши-трёхлетки.

Он вздохнул и поднялся на ноги. Настало время выйти и узнать новые имена своих старых друзей.

Глава 2

Скажи мне, кто твой друг

Чара брела по обочине дороги под мелким, сеющим с низкого неба дождём. Намокшая куртка тяжело давила на плечи. Девочка была голодна и дрожала от холода. С последней монетой она рассталась вчера в деревушке, растянувшейся вдоль дороги за полем незрелого мисса. Хлеб, кусочек сыра и две горсти земляных орехов – всё это было уже съедено. Беглянка механически переставляла ноги и размышляла о собственной глупости. «Ладно. Уйти из дома было правильным. Но не взять с собой ничего, кроме жалких медяков?» – бормотала она, постукивая зубами. Рука, невольно потянувшаяся к единственному глубокому карману куртки в поисках завалявшегося орешка, ничегошеньки там не обнаружила. В который раз.

Никто не обгонял Чару и никто не двигался навстречу – пустая дорога терялась в водяной завесе. На мрачных верхушках деревьев тяжёлой крышкой лежали серые тучи.

Всю свою жизнь она прожила под стенами Лугового замка и понятия не имела, насколько велик мир. Даже то, что понадобилось целых два дня, чтобы покинуть родную долину, никак её не насторожило. Она бодро шагала к Небесным скалам, уверенная, что вскорости доберётся до них…

Чара поджала губы. С волос стекали за шиворот холодные струйки воды. «Пусть, – упрямо думала она, шелестя ногами в мокрой траве, – пусть я – дура. Но Небесные скалы где-то есть. И есть Крылатые кони. И я найду их, рано или поздно!»

За пеленой дождя послышалось побрякивание и надсадный скрип. Звук приближался, нагоняя фигурку, одиноко бредущую по широкому вырубу вдоль обочины.

Чара оглянулась. Из водяного марева выплывала высокая крытая повозка, которую неспешно тянули два крепких конька. Повозка раскачивалась на ухабах и скрипела на всю округу. На высоких козлах ссутулился очень широкоплечий человек. Лицо могучего возницы пряталось под низко надвинутым капюшоном тёмного дождевика.

– Тр-р! – зычно рявкнул он, натягивая вожжи.

Лошади охотно встали, свесив головы. За спиной возницы в пологе фургона образовалась щель, и оттуда выглянула кудрявая огненно-рыжая женская голова.

– Дитё! – удивлённо воскликнула голова. – Чего сидишь, дубина? Помоги несчастному ребёнку взобраться к нам! – беззлобно прикрикнула она на возницу и скрылась.

Возница откинул капюшон и весело блеснул синими глазами из-под смоляных кудрей, поднимаясь. Чара невольно приоткрыла рот: незнакомец был настолько же невысок, насколько широк. Его квадратное тело опиралось на чудовищно кривые короткие ноги. Он наклонился и протянул девочке лопатообразную ладонь.

– Полезай в фургон, птица мокрая, – добродушно пробасил странный возница и легко, словно она и не весила ничего, вздёрнул Чару на козлы.

Девочка пропихнулась за перехлёст полога и замерла.

Под полукружьем тканевого потолка качнулась большая масляная лампа – повозка снова тронулась. Жёлтый свет падал на странное нагромождение ящиков, корзин и тюков. На Чару с любопытством уставилось четверо пассажиров необычного экипажа. Рыжеволосая женщина средних лет, которую она уже видела. Чумазый подросток, по виду чуть младше самой Чары. Толстяк в полосатой тунике, такой румяный, словно только что вылез из бани, и невероятно тощий парень неопределённого возраста, упиравшийся острым подбородком в острые же колени.

Рыжеволосая ловко обогнула ближайший к Чаре тюк и потянула девочку вглубь фургона.

– Давай-давай, не бойся. Не обидим. – Женщина улыбнулась, показав плохие зубы. – Карик! Найди сухую одежду, не видишь, дитё насквозь промокло! – прикрикнула она на мальчишку и обернулась:

– Садись, сейчас согреешься. Есть хочешь?

Чара только кивнула, растерянная и смущённая всеобщим вниманием. Мальчишка протиснулся к ним и протянул ей охапку вещей.

– А ну, все – отвернулись, живо! – скомандовала рыжеволосая, и обитатели фургона завозились, послушно поворачиваясь к Чаре спиной.

Длинная складчатая юбка, мягкая рубаха, колючие шерстяные носки до колен и выворотка козьего меха без рукавов – Чара перестала стучать зубами ещё до того, как закончила переодеваться.

Рыжеволосая отстранилась, оглядела девочку и удовлетворённо кивнула:

– Так-то лучше! Всё, мы закончили.

Толстый, тонкий и мальчишка обернулись и снова принялись рассматривать Чару.

– Меня зовут Триш. Это, – женщина ткнула пальцем в сторону толстяка, – Фонен. Там, – последовал тычок в уголок между двумя корзинами, – Лорд Всезнайка. А здесь у нас Карик.

Мальчишка сердито зыркнул на Триш чёрными, словно уголь, глазами.

– Под дождём мокнет Великан Атто, – продолжила Триш. – А все вместе мы – актёры. А кто ты? И почему бродила тут в одиночку?

– Меня зовут Чара, – пробормотала девочка. – Я… путешествую.

Толстяк хмыкнул. Мальчишка недоверчиво ухмыльнулся, а Триш только кивнула:

– Ну и славно. Мы тоже, вот, путешествуем. Держи.

Она протянула Чаре толстый ломоть чёрствого хлеба и варёную ногу некрупной несушки. Молчаливый и странный, состоявший, казалось, из одних острых углов Лорд Всезнайка кинул мальчишке луковицу. Тот ловко поймал её и передал Чаре.

– Спасибо, – выдохнула она.

Повозка скрипела, покачиваясь. Голова кружилась от тепла, запаха еды и незнакомого ощущения заботы, окружившего её со всех сторон в обществе этих странных людей. Чара моргнула, прогоняя невесть откуда взявшиеся слёзы, и вцепилась зубами в холодную птичью ногу.

Она собиралась всего лишь согреться и переждать дождь, но вышло так, что скрипучий фургон актёрки Триш уже несколько дней пылил по прямой, как стрела, дороге Больших равнин, а Чара всё ещё путешествовала в нём. Она сидела на козлах рядышком с Великаном Атто и грызла спелую крушу. По обе стороны от дороги до самого горизонта волновалось под ветром зелёное море трав. А по вечерам Белую луну окружали бесчисленные россыпи звёзд.

Лорд Всезнайка, или Югорь, как его звали на самом деле, научил Чару отыскивать в этом сияющем хаосе рисунки нескольких созвездий. И начал с самого важного – Летящего Стража, на левом плече которого мерцала яркая Путеводная звезда. Длинный, нескладный и невероятно застенчивый, Лорд Всезнайка оживлялся только в двух случаях: во время представлений или тогда, когда кто-нибудь проявлял интерес к его познаниям. Девочке казалось, что он знает абсолютно всё, ведь любую монету он готов был обменять на книгу или старинный свиток.

Чара размахнулась, и огрызок улетел далеко в поле. Жёлтое солнце лениво вползало в зенит по белёсому от жары небу.

– Скоро река, – ни к кому не обращаясь, пробормотал Атто. Ему тоже было жарко. Пот заливал широкое лицо, и он то и дело вытирал его подолом безрукавки.

Первыми почуяли воду два пожилых мерина. Они поставили уши и дёрнули фургон, прибавив шагу. За козлами появился заспанный Карик. Он сердито тёр лицо обеими руками и ворчал:

– Чего? Чего дёргать-то? Я головой треснулся…

– Река скоро. Купаться пойдём. Коней напоим, – отозвался повеселевший Атто.

Чара привстала. Ей показалось, что впереди блеснула серебряная полоска воды. Так и есть! Кони пошли ещё бодрее, почти срываясь в нестройную рысь. Фургон закачался, и Атто прикрикнул на них – «Тр-р, торопыги!», – натягивая вожжи.

– Милый, что там? – послышался из фургона мелодичный голос Триш, и Чара невольно улыбнулась.

– Река! – звонко воскликнула она, оборачиваясь. – Река!

Триш выбралась наружу и, ласково отпихнув с дороги Карика, встала за спиной мужа, держась за его могучие плечи.

– Пахнет водой… – мечтательно проворковала она.

Чара прикрыла глаза. Свежий ветерок принёс долгожданную прохладу и вода, действительно, *пахла*! Под пологом фургона забубнили и завозились остальные члены труппы.

Никогда ещё Чара не получала от стирки такого удовольствия, как в этот знойный полдень, стоя по колено в спокойных и тёплых водах неторопливой Великой реки равнин. Ниже по течению Атто и Карик купали коней, а на берегу Триш хлопотала возле большого котла. Чара счастливо щурилась от бликующей на солнце воды.

Нет, она не передумала искать дорогу в Небесные скалы, но мысли о том, что её пути с бродячей труппой Триш однажды разойдутся, причиняли ей боль. Неунывающая, весёлая и расточавшая любовь ко всему живому Триш заразила и Чару неведомым ей до сих пор чувством. Девочка с изумлением обнаружила, что когда ты любим и окружён заботой, возникает желание дарить любовь и заботу в ответ. Но сколько бы она ни отдавала – меньше не становилось.

Тем вечером она впервые заговорила о Стражах.

– Что за железку ты таскаешь на шее? – поинтересовался Карик, стоя на руках и болтая ногами в воздухе. Его тело было гибким, как прутик многолиста, и способным принимать самые немыслимые позы.

Чара торопливо заправила обратно кулон, выскользнувший из глубокого выреза лёгкой рубашки.

– Так… – невразумительно ответила она.

– А в самом деле, – подхватил Лорд Всезнайка, – что там у тебя?

Чара вздохнула. Отказать Югорю она не могла. Она придвинулась к костру и извлекла на свет свою единственную ценность.

– Крылатый конь. Всё, что осталось мне на память об отце…

Лорд Всезнайка рассмотрел резную пластинку и присвистнул:

– Это очень старая вещь. И сделана она не здесь, – добавил он, помедлив.

– Как это? А где же? – подняла на него глаза Чара.

– Видишь вот эти узоры по краям? Это не орнамент. Это – письмо. Буквы, – пояснил он, заметив, что девочка его не поняла. – На чужом языке эти слова что-то значат.

– На каком – чужом? – изумилась Чара.

– На том, я думаю, на котором говорят за Переходами. В Другом мире.

– К-каком мире?

– Другом. Не нашем.

– Не слушай его, малышка, – неожиданно вмешался молчаливый Фонен. – Болтаешь почём зря! Не дури бедной девочке голову! – сердито выговорил он Лорду Всезнайке.

Югорь замолчал, отстранившись, но Чару было уже не остановить.

– А вы видели Стражей? Кто-нибудь из вас?

– Ну конечно! – мягко ответила ей появившаяся у костра Триш. – Однажды двое Стражей даже смотрели наше представление! Это было… Где же это было? – Она растерянно покачала головой. В рыжих кудрях заплясали отсветы костра.

– На Большой Осенней ярмарке, – подсказал Карик. Теперь он стоял на мостике, а Атто поставил ему на живот тяжёлый кувшин с водой, лишь слегка придерживая его за горлышко.

– Какие они? – не унималась Чара, её глаза сияли, словно наполнились внутренним огнём.

– О! Молодые. Сильные.

– А кони? Крылатые кони тоже там были?

– Нет, они были без коней. Но мы часто видим их в полёте. И ты ещё увидишь. Непременно.

До городка с забавным названием Высокое место они добрались к вечеру следующего дня. Место для плоской равнины было действительно высоким – огромный пологий холм долго поднимался вдоль реки, откусившей у него самый краешек невысоким обрывом. В поле, у подножья этого холма, и собиралась каждый год Летняя ярмарка Равнин.

Дорога была забита повозками, пешими и конными людьми. Стоял многоголосый гвалт. Лошади ржали, колёса скрипели, путники потели и злились. А над всем этим висела поднятая с дороги пыль.

Два мерина Триш, воинственно заложив уши, медленным тараном проталкивались вперёд. Великан Атто глубоким басом переругивался с неловкими попутчиками, щёлкал бичом и подбадривал усталых коней.

Чара сидела на козлах и вертела головой. Такого количества людей она не видела никогда. Разнообразно, порой странно одетых, с оттенками кожи от серовато-коричневого, как у Карика, до невероятно бледного, но при этом – темноволосых и кареглазых… Про первых она сообразила сама – это были уроженцы горной долины Бецци. А про вторых ей рассказал Лорд Всезнайка, примостившийся рядом.

– Это Морской народ. Они редко появляются в такой дали от побережья – не любят сушу. У тамошнего лорда – восемь больших островов, сотня разных кораблей и бессчётное количество лодок. В Антраксе, когда мы туда доберёмся, ты увидишь, как их много. Это самый крупный порт на берегу Великого моря.

Чара засмотрелась вперёд, поверх дороги, воображая себя птицей, которая летит над бесконечной равниной вдоль широкой ленты реки далеко на юг, до самого моря…

– А какое оно, море? – не отрываясь от своих грёз, спросила она.

– Синее. Зелёное. Тёмно-серое. С волнами высотой в крепостную стену и гладкое, словно лёд. Непостоянное. Огромное, как небо.

Чара попыталась представить себе это самое «море» и не смогла.

Вся труппа Триш трудилась на ярмарке в полную силу. Они давали представления два раза за день. Утром для детишек, толпы покупателей и зевак, и к вечеру – для усталых торговцев и прочей ищущей развлечений публики.

Утром больше всего работы доставалось смешиле Фонену и Карику, вытворявшему настоящие чудеса на толстом канате, протянутом над головами толпы. Он жонглировал, прыгал и вертелся в воздухе, гнулся и плясал, завязывался узлом, и притом проделывал всё это на высоте в два, а то и больше человеческих роста. Фонен смешил толпу неуклюжими и неле-

пыми выходками и ужимками. Лорд Всезнайка сочинял и читал меткие стишки о тех, кого зрители выбирали из толпы.

По вечерам Триш, Атто и Фонен разыгрывали неприличные сценки из супружеской жизни всех сословий или одушевляли сказки о Деве и Герое.

Чара крутилась вокруг фургона и деревянного помоста, помогая, чем только могла. Готовила еду, подносила реквизит, собирала монеты со зрителей в широкую шляпу, служившую для этой цели. Суматошный водоворот ярмарки захватил её целиком.

После утренних выступлений Лорд Всезнайка брал её с собой побродить по торговым рядам. О любом предмете, на который Чара обращала внимание, её новый друг обстоятельно рассказывал, что это такое, откуда и для чего служит. Частенько и сами торговцы слушали Югоря, раскрыв рты.

Ту книгу первой нашла Чара. И вовсе не на одном из грубых деревянных прилавков, возле которых подолгу застывал Лорд Всезнайка, если там находилось что почитать. Эта находка лежала на пыльной дерюге, прямо на земле, в тени от большой телеги с тканями ярких расцветок…

Сначала Чара приняла её за широкую и плоскую деревянную шкатулку. Под истрескавшимся и потемневшим от времени лаком угадывался странно знакомый рисунок. Рядом стоял помятый с одного бока железный кубок, пылились пустые длинные ножны и тускло отсвечивала сталь парочки прекрасных метательных ножей, которые Чаре сразу захотелось покрутить в руках. Она вздохнула – пока что в этом не было смысла. Ножи мастерски метал Великан Атто на потеху публике и даже обещал Чаре, что научит и её, но это, наверное, случится нескоро. Она покачала головой и окинула взглядом остальное.

Всё припорошённое пылью «богатство» охранял щупленький старичок в грязной рубахе и штанах из самой грубой мешковины. Он подслеповато щурился, позёвывал и не обращал на Чару никакого внимания. До тех пор, пока её рука не коснулась «шкатулки». Со сноровкой, неожиданной для столь почтенных лет, он прихлопнул её ладошку к крышке.

– Пошто тебе? – недовольно проскрипел он, всё плотнее прижимая её руку к орнаменту своей ладонью, сухой, мозолистой и крепкой, словно корень старого дерева.

А потом что-то случилось. Руку Чары обожгло резкой болью, старикашка отпрянул, тряхнув седыми неопрятными космами. Чара охнула и уставилась на свою ладонь, где наливался краснотой тот самый орнамент в виде кольца из переплетённых между собой линий. Боль прошла так же внезапно, как и появилась, а вот рисунок остался.

– Что у тебя тут?

Чара вздрогнула, но это был всего лишь Лорд Всезнайка. Он присел на корточки и взял в руки «шкатулку».

«Осторожнее!» – хотела крикнуть Чара, но не успела.

Да ничего и не произошло. Старикашка хмуро поглядывал на Югоря, а тот откинул деревянную крышку, которая оказалась… обложкой книги!

– О-о! – только и произнёс Лорд Всезнайка.

– За всё – шесть монет, – скрипучим голосом сварливо обозначил цену старик.

«Шесть монет? Да он издевается!» – возмущённо подумала Чара. Но торговец был невозмутим.

– Мне не нужно всё, – отозвался Лорд Всезнайка, бережно переворачивая толстые пожелтевшие листы странной книги.

– Шесть монет, – упрямо повторил продавец.

– Югорь, – дёрнула своего спутника за рукав Чара, – можно подарить ножи Атто. Хорошие ножи!

Лорд Всезнайка с трудом оторвался от книги и посмотрел на ножи.

– Можно… – задумчиво протянул он. – Шесть монет, говоришь?

Девочка понимала, что цена немыслимо высока. Четыре монеты серебром им с матерью платили за Луну каждодневного труда, но ей отчаянно хотелось разгадать тайну книги.

Лорд Всезнайка вздохнул и распустил тесёмки на кошеле. Шесть серебряных монет легли на сухую, обезображенную болезнью суставов ладонь. Старикашка проворно поднялся и исчез в толпе. Лорд Всезнайка бережно прижал к себе книгу, Чара увязала в дерюжину остальное, и они поспешили обратно к своему фургону.

Кубок Триш определила в реквизит, как и ножны. Ножи высоко оценили Атто и Карик, который немедленно к ним потянулся, за что и получил увесистый шлепок по рукам.

Лорд Всезнайка унёс книгу в фургон да так там и остался, а Чара сгорала от любопытства, помогая Триш готовить помост к вечернему представлению. Ладонь совсем не болела, и она украдкой переворачивала её, чтобы убедиться, что орнамент всё ещё там.

Когда началось представление, она отошла под свет уличной лампы, окружённой роем мошкары, и стала до рези в глазах всматриваться в затейливый узор.

«Магия Стихий», – вдруг сложился загадочный рисунок в не менее загадочные слова, тихим эхом прошелестевшие у неё в голове. По телу девочки пробежала дрожь, словно при ознобе. Что-то беззвучно лопнуло в глазах, и зрение, помутившееся на миг, странно обострилось.

Чара испуганно огляделась. Представление шло своим чередом. Карик со шляпой обходил хохочущих зрителей. Где-то играла музыка. Что-то бормотал за полотняной стенкой фургона Лорд Всезнайка…

«Книга!» – Мысль обожгла её, и Чара, проскользнув за помостом, взлетела на подножку повозки.

Югорь расположился под лампой, передвинув туда один из сундуков. Книга лежала у него на коленях, раскрытая примерно посередине. Он с отсутствующим видом смотрел куда-то далеко, не замечая стенок фургона, да и всего поля Ярмарки вообще. На появление Чары он не отреагировал. Она присела рядом и тронула его за рукав.

– А? Чара… – Он неохотно оторвался от своих мыслей. – Как там представление?

– Хорошо. Что это за книга? – Девочка старалась скрыть нетерпение, ведь Лорд Всезнайка ничего не знал о его причине, а рассказывать о таинственном рисунке на своей ладони она не собиралась.

– Очень древняя и загадочная, как и всё, что попадает в наши руки через десятки Лунных лет… Она из Другого мира, конечно. – Он бережно огладил страницу.

– И что в ней написано?

– Не знаю, Чара. И не знаю никого, кто владел бы языком Ариса.

– А… чего? – не поняла Чара.

– Ариса. Так называется Другой мир.

Чара тряхнула головой. Тонкие прядки растрёпанных волос метнулись туда-сюда.

– Но кто может там писать, если там живут чудовища, от которых нас охраняют Стражи?

Лорд Всезнайка с удивлением посмотрел на девочку, словно увидел её впервые.

– Кто сказал тебе такую глупость? В Арисе живут, или жили когда-то, до Чёрных дней, люди, очень похожие на нас. Но – другие. Стражи охраняют Переходы именно от них и от того, что приходит вместе с ними.

– Чудовища?

– В некотором роде… Только их давно никто не видел, даже Стражи, наверное.

– А зачем тогда тебе эта книга, если ты ничего не можешь в ней прочитать?

Лорд Всезнайка взъерошил свой жиденький чуб:

– Я попытаюсь. Возможно, когда-нибудь и смогу.

– А по мне, – Чара заглянула в книгу, – так одни закорючки ничем не отличаются от других. – И она указала на стопку книг Югоря.

Немного расплывчатая вязь, похожая на клубки змей или переплетения плюща на крепостных стенах, дрогнула и размылась окончательно. Три странных, не имеющих смысла слова прошелестели в голове Чары и закончились вполне отчётливым «призвать воду». Она замерла, приоткрыв рот, не слушая, что там отвечает ей Лорд Всезнайка.

– …научить тебя читать, – долетел до неё обрывок фразы.

– О! – поспешно изобразила она радость, которой не испытывала. Странные слова не желали исчезать и просились на язык. Чара поднялась.

– Кажется, они заканчивают? Пойду, гляну.

– Да-да, – рассеянно отозвался Лорд Всезнайка, снова склоняясь над книгой.

«Призвать воду?» – недоумевала Чара.

Она забралась под фургон. За колесами негромко хрупали сеном Бодряк и Лентюх – кони Триш. Подумав о лошадях, она спохватилась, что их ещё надо напоить, для чего придётся натаскать воду от одной из больших бочек-на-колесах, в которых её доставляли на ярмарку.

«А что, если?.. – Сумасшедшая мысль сверкнула фальшивой монетой и потускнела, растеряв блеск от доводов разума. – Глупо. Нелепо. Вот ведь дурочка».

Она пролезла на другую сторону, к лошадям и пустым вёдрам. Здесь царила темнота. Лентюх шарахнулся было, но Чара успокоила его, погладив по тёплой шее. Она присела перед одним из вёдер, совершенно не понимая, что делать дальше. Попыталась представить его полным до краев и шепнула дурацкие слова.

В ведре отразилась Белая луна, разбитая на осколки рябью. Кони оживились. Чара, напротив, заледенела. Медленно, неуверенно протянула дрожащую руку и коснулась поверхности воды. С пальцев закапало.

Без единой мысли в голове она проделала тот же фокус со вторым ведром. Луна закачалась и в нём. Вспомнилось: «Магия Стихий…» Магия? Колдовство? Что-то крайне нехорошее, о чём даже говорить нельзя. И это случилось с ней!

Поставив тяжёлые вёдра так, чтобы лошади могли напиться, Чара обошла фургон. Её знобило, руки похолодели, а в ушах стоял шум. Так страшно ей не было ни разу в жизни: будто мало было оставленного за спиной мертвеца, теперь ещё и это… Аж два ужаса, которые не помещались внутри – убийство и магия. Они рвались наружу.

Толпа вокруг помоста сильно поредела – последнее представление закончилось. Утром они снова тронутся в путь. У Чары сжималось горло от горьких размышлений: стоит ли ей оставаться и дальше с новыми друзьями, не ведавшими, кого приютили под крышей старенького фургона?

Кто-то тихонько подошёл сзади и обнял девочку за плечи.

– Что с тобой, малышка? – ласково спросила Триш, разворачивая Чару к себе лицом. – Тебе нехорошо?

Голос актёрки, усталый после работы, похрипывал, но это не мешало расслышать в нём искреннюю тревогу.

Чара судорожно вздохнула раз, другой, а потом зарыдала, уткнувшись в мягкую грудь женщины, пахнущую потом и, совсем немного, дешёвыми духами. Прижавшись к ней так, как никогда не прижималась к груди матери.

– Я… я… – Она пыталась вытолкнуть страшные слова из непослушного горла. – Я убила человека…

Никто в труппе не сомневался, что девочка попала в беду. Она каждую ночь металась и вскрикивала во сне, ни разу не попыталась рассказать, как очутилась одна на безлюдной

дороге, ни разу не вспомнила свой дом или родных. Но здесь не принято было лезть человеку в душу. Триш не сомневалась, что Чара обо всём расскажет. Когда придёт время.

И вот это время пришло. Захлебываясь слезами, торопливо глотая слова, Чара рассказывала ей грустную и наивную историю своего бегства. Триш гладила девочку по голове, по худеньким плечам, заправляла за ухо непослушную лёгкую прядку и слушала, слушала, слушала…

Когда поток слов иссяк, Триш достала пузатую бутыль и кружку. Напиток обжег Чаре горло и заставил закашляться.

– Глотни ещё, малышка. Это позволит тебе сегодня уснуть. А пока послушай-ка Триш. Ты прикончила негодяя под светом Трёх Лун, в единственную ночь, когда Богини собираются вместе. Неужели ты сомневаешься, что твоей рукой водила одна из них, а то и все они разом? То, что они избрали ребёнка для столь тяжёлого дела, конечно, странно, но не нам судить, что было у них на уме. А кони… Что – кони? Актёрка Триш тоже не родилась в фургоне посреди дороги. У меня был дом и была семья. Да только я мечтала бродить по свету. Погляди-ка! Вот она – я, перед тобой, с полной шляпой монет и в окружении верных друзей!

Найдём мы дорогу к Небесным скалам! Это я, Триш, тебе обещаю. И тогда уже ты посмотришь, стоила ли того твоя мечта. Только не смей сомневаться в этом сейчас!

По другую сторону помоста разгорался костёр, отбрасывая тёплые отсветы на усталое и доброе лицо женщины. Чара всхлипнула в последний раз и с удивлением обнаружила, что слёз больше нет. Как нет и горечи, мучившей её с той самой ночи. Лицо Колдея размывалось и таяло в памяти. Уходило. А оставалось жестокое знание, что она способна убить человека и… её новые, грозящие бедой способности, которые ещё предстояло по-настоящему осознать.

Глаза у Чары слипались, ей стало тепло и совсем-совсем не хотелось ни о чём думать…

Чуть позже Великан Атто осторожно отнёс спящую девочку в фургон, и труппа актёрки Триш непривычно тихо отпраздновала окончание Летней ярмарки Равнин.

Глава 3

Стражи

Рикон-Страж не был в этих местах больше Лунного года. Его Крылатый сердито зафыркал, уловив настроение всадника. Он заложил широкий вираж над невысокими башнями, которые выпирали из широких крепостных стен, словно сточенные клыки неведомого чудовища. На площади, внутри второго оборонительного кольца, суетились и размахивали руками фигурки людей. Кто-то тащил прочь обезумевших лошадей, кто-то освобождал Стражу место для приземления. Между полуразрушенных зубцов стены гроздьями повисли вездесущие мальчишки.

Стоял жаркий полдень начала осени. Солнце выдавило тени под самое основание каменных стен замка, возвышавшегося в центре древней крепости, но Рикон помнил, что внутри отцовского жилища всегда сохранялась сумрачная прохлада.

Злой Рок поднял крыльями рыжую пыль, и топот его копыт эхом заплясал по опустевшей площади. На ступенях парадного входа показались хозяева замка. Рикон силился разглядеть их сквозь медленно оседавшую ржавую пелену. Отец и оба брата церемонно спускались на площадь. Годы не слишком их изменили, а вот Рикон, видимо, изменился. Лицо отца дрогнуло и странно перекосилось только тогда, когда он прошёл половину пути до высокого светловолосого Стража. Одновременно с отцом узнали родича и братья. Рикон продолжал невозмутимо стоять у плеча своего гнедого Крылатого.

Все трое опустили головы в приветствии. Рикон почти услышал, как заскрипела шея отца, не привыкшая к поклонам.

– Здравствуй, сынок, – сделал лорд Анариа попытку уравнять своё положение.

– Рикон-Страж, пожалуйста, лорд Анариа, – холодно и равнодушно поправил надменного, прямого, как древко копья, старого лорда тот, кто был когда-то его старшим сыном и наследником Земель реки Анар.

Крылатый Рикона захрапел так грозно, что с крыш замка сорвались птицы, а мальчишки попрятались за корявыми зубцами стены.

Лорд Анариа вздрогнул и поправился:

– Рикон-Страж… Нуждаются ли в представлении мои сыновья?

Рикон скользнул взглядом по одному брату, потом – по другому.

– Нет, лорд Анариа. Мне известны их имена.

Хозяин замка кивнул, пряча досаду, и предложил:

– Не желает ли Страж разделить за беседой нашу скромную трапезу?

Рикон прекрасно видел, как нелегко далась ему эта вежливость.

«Неужели он ни разу не подумал о таком повороте событий, когда отправлял меня к Стражам?» – мысленно поинтересовался он у Крылатого.

«Возможно, он надеялся, что ты сам не захочешь здесь появляться?» – ответил Рок, которому тащили огромную бадью с водой два покрасневших от натуги работника.

А вслух Рикон-Страж сказал:

– С удовольствием. Обеспечьте моего Крылатого тенью и свежей травой.

Рикон поднимался по лестнице за лордом-хозяином, чувствуя, как взгляды братьев прожигают ему спину, и думая о том, как постарел отец. Тот тяжело дышал и медленно взбирался по ступеням. Однако жалости Рикон не испытал. Он вообще ничего не испытывал к этому человеку, что его сильно удивило.

Полумрак и прохлада замка не вернули молодому Стражу былых ощущений. Все сожаления, гнев и ярость утихли давным-давно. Решение отца избавиться от старшего сына, которого он однажды счел не наследником, а соперником, сделало Рикона тем, кем он стал теперь – Стражем. Кресло лорда в трапезной занимал старый, не слишком здоровый человек, а Рикон сидел в кресле Почётного гостя. По праву. И это, наконец, расставило всё по своим местам.

– Итак, – начал Рикон-Страж, отведав холодного мяса с пряными травами, – лорд Анариа просил помощи Стражей. Я здесь, чтобы обсудить эту просьбу.

Хозяин замка свёл седые брови, хмурясь. Его светло-карие, выцветшие до желтизны глаза уставились на Рикона.

– Земли реки Анар кишат лихими людьми уже несколько Лун. Чем привлекли их наши дороги, остаётся неясным, но путешествие по ним перестало быть безопасным. Торговцы начинают нас избегать, а мы, как наверное известно Стражам, снабжаем провизией весь Антракс.

– Стражам это известно, уважаемый лорд. Им так же известно, что у вас имеется сотня воинов, которым вполне по силам разобраться с разбойниками. – Рикон глотнул вина – отличного вина с местных виноградников – и откинулся на спинку кресла.

– Мы пытались! Но к каждой телеге охрану не приставишь! – воскликнул, густо покраснев, Гридо, младший из братьев – костлявый брюнет, очень похожий на отца. Отец не прервал его, и парень, ободрённый молчанием лорда, продолжил:

– Они неуловимы. Появляются и исчезают внезапно. Пока наши люди подстерегают их в одном месте, они грабят проезжих в двух других…

«Ему должно быть сейчас лет семнадцать, – подумал Рикон. – Столько же, сколько было мне, когда…» – додумать ему не дал средний брат, Алито:

– Брось, Рикон. Ты же знаешь этих оборванцев! Чернь прячет их от нас под лавками, а потом сама же и стонет, едва оказывается на тракте.

Рикон повернулся и оценивающе посмотрел на Алито. Крепкий детина. Широкий костью – в дядьёв по матери. Скуластое лицо с резкими чертами. Темноволосый и темноглазый. На пару лет младше самого Рикона. Надменный и самоуверенный. Такой, каким был и он сам.

– Рикон-Страж, уважаемый наследник, – со льдинкой в голосе поправил его Рикон и утратил к парню всякий интерес, снова обращаясь к лорду этих земель, крепости и замка:

– Укажите мне места последних нападений, скажем… за Луну. Опишите похищенное, сосчитайте количество жертв, если они были. Подготовьте жильё для Стражей вне стен крепости. Провиант. Четверых слуг. Я вернусь через три дня. Пойманных разбойников ваши люди должны будут доставить под охраной в каменоломни у Разлома. Всех.

– А если среди них окажутся беглые работники из наших? – снова вмешался Алито. Но старый лорд остудил его пыл одним движением бровей и поднялся, склоняя седую голову.

– Мы благодарны Стражам. Да будет так.

Рикон тоже встал из-за стола. Бросил последний взгляд на неуютную трапезную, где ничего не изменилось за прошедшие годы, и повторил ритуальное «так будет», отвесив короткий поклон семейству лорда и ему самому. А потом быстрым шагом вышел в знакомый лабиринт коридоров замка.

Он не хотел, чтобы это произошло, но за первым же поворотом ему навстречу бросилась она. Мама. Её красота увяла, глаза поблекли, но руки, протянутые к нему с мольбой, хранили родное тепло и ласку.

– Сынок! – выдохнула невысокая полненькая блондинка и уткнулась рослому Стражу в грудь.

– Мама… – Он отстранился, бережно обхватив её мягкие запястья своими сильными руками.

Она жадно всмотрелась ему в лицо, улыбаясь сквозь слёзы:

– Ты счастлив, сынок?

Неожиданный вопрос застал его врасплох.

– Мама! Всё хорошо. Мне – хорошо. Я не жалею ни о чём, – скороговоркой прошептал Рикон, выворачивая душу наизнанку, и разжал руки. Он ушёл не оглядываясь, коротко велев заткнуться Року, ехидно хмыкнувшему в голове.

***

Чара вытащила из высокой травы тушку куцехвоста. В последний момент зверёк успел-таки заскочить в спасительные кущи, но короткий клинок, подсекая стебельки, нагнал его и там. Девочка тщательно вытерла лезвие и убрала на место – в новенькие ножны на ремне. Великан Атто собственноручно сшил их, после того как убедился, что Чара овладела искусством метания ножей настолько, что могла посоперничать с ним самим. Её неожиданная сноровка удивила обоих.

Куцехвост – широкоухий серенький грызун – нагулял достаточно жирка, чтобы Чара решила ограничиться одной его тушкой. Ведь уже завтра им предстояло обедать в замке лорда Как-его-там, давая представление на свадьбе старшего сына хозяина.

Она опустила тушку на землю и уселась на пригретый осенним солнцем валун. В жиденьком перелеске было очень тихо. Поредевшая листва деревьев не скрывала высокую синь прозрачного неба, но оно оставалось пустым. Надежда заметить силуэт Стража в очередной раз растаяла.

Чара разочарованно вздохнула и достала из-за пазухи амулет. Согретый теплом её тела прямоугольник. Фигурка Крылатого коня и пять чужеземных слов: огонь, вода, воздух, земля и «танераас». Если первые четыре больше не составляли для неё никакой тайны, то последнее так и осталось загадкой. В книге магии Стихий оно отсутствовало. Не нашлось упоминания о нём и в двух старинных свитках родом из Другого мира, которые она обнаружила среди книг Югоря и прочла тайком от него.

Чара прислушалась и выпустила на волю небольшой родничок, аккуратно раздвинув корни молодого деревца *словом* Земли. Поиграла с крохотным язычком пламени, пляшущим на её ладони, заставляя его менять цвет. Заставила лёгкий ветерок качнуть кроны невысоких деревьев и погонять сорванные с них листья.

Отсюда не было видно фургон, стоявший на обочине дороги. Не слышны были голоса друзей, и она не боялась, что кто-нибудь из них застанет её за этими странными занятиями. Вот уже целый сезон, с тех самых пор, как открыла в себе неожиданные умения, Чара упражнялась в них в одиночку. Старинная книга Лорда Всезнайки служила ей единственной подсказкой.

Слов для управления Стихиями было много, но Чара запоминала их, стоило им лишь однажды «прозвучать» в голове. Собственно книгу, от одной части деревянной обложки до другой, она знала наизусть. Со всеми советами и наставлениями. А вот свитки, густо исписанные вычурной вязью чужого языка, не имели к магии никакого отношения. Это были письма. Частные письма. Если бы она только могла рассказать Югорю, что там написано!

Чара нахмурилась. Об этом не стоило и думать…

Пришло время возвращаться, и девочка, подхватив свою пушистую добычу, легко взбежала на пригорок, скрывавший её от дороги.

– Я нашла родник! – звонко возвестила она о возвращении.

– Чудесно. Проводи к нему Фонена и Атто, – попросила Триш, забирая у Чары куцехвоста. – Отличное будет рагу!

Лошади были уже свободны от упряжи, и Карик стреноживал их в сторонке, чтоб не разбрелись. Лорд Всезнайка бродил кругами с задумчивым видом – сочинял оду юным влюблённым для завтрашнего торжества.

Им очень повезло с этой свадьбой. Три дня назад в придорожной таверне они встретили старинного знакомого Триш. За кружкой хмельного эля он пожаловался, что его актёрка внезапно заболела, совершенно лишившись голоса, и отлёживается в деревушке неподалёку. Радуясь и печалясь одновременно, он уступил Триш приглашение на работу за весьма скромную цену.

Донельзя обрадованный Югорь заговорщицким шёпотом сообщил Чаре, что им, возможно, удастся попасть в настоящую библиотеку замка! Местный лорд слыл большим охотником до книг и вообще считался человеком просвещённым. Чара немедленно загорелась желанием побыстрее добраться до замка. Лорд Всезнайка давно искал возможность показать ей «карты». Смутно представляя, как можно уместить на листе бумаги, пусть даже и большом, целый мир, она сгорала от любопытства. А ещё – от надежды на то, что на этих «картах» могут оказаться и Небесные скалы…

Чара стояла на высокой башне замка, прямо на краю широкой плоской крыши, окружённом высокими, в её рост, зубцами. Она не могла оторвать глаз от равнины, распахнувшейся до самого горизонта.

Замок был построен в излучине реки, и от городка его отделял ров, заполненный водой. Мост, который был когда-то подъёмным, соединял городок и замок. Далеко за рекой темнела кромка леса. К городку бежала светло-коричневая ленточка дороги. Жёлтыми, красноватыми и тёмно-зелёными заплатами пестрели пятна возделанных полей.

Лорд Инур, толстый, низенький и добродушный, не только позволил Лорду Всезнайке и Чаре ознакомиться с его библиотекой, обрадовавшись единомышленникам, но и оставил труппу погостить в замке после торжеств, совершенно очарованный их выступлением.

Фонен непрерывно веселил многочисленных чад и домочадцев лорда-хозяина, за что его без устали потчевали различными вкусностями местной кухни.

Милейшая супруга лорда вела увлекательные беседы о моде других краев с леди-путешественницей Триш и слушала её рассказы с плохо скрываемой завистью.

Карик развлекался среди подмастерий замка, великан Атто занимался мелким ремонтом фургона в местной кузне, а Югорь вёл длинные философские беседы с лордом Инур, который отчаянно скучал в своём захолустье.

Чара пропадала в библиотеке. Карты её потрясли. И смутили. Даже пропутешествовав в фургоне Триш целое лето, она не осознала всей величины мира так, как сделала это, увидев отрезок их пути как коротенький штришок на запутанных петлях дорог. И – да! Сердце замерло у неё в груди, когда она разобрала на шёлковом полотнище, над вышитой грядой острых зубцов, заветные синие буквы – «Небесные скалы». Но как же далеко они были!

«Триш направляется в Антракс – это мне по пути. Но будет нечестно просить её свернуть в пустынные леса Озёрного Края, где мало жилья и никому не нужны актёры, – думала Чара, глядя на мирный пейзаж равнины. – Значит, там, у моря, и разойдутся наши пути…»

Горечь от будущего расставания смешалась в ней с острым возбуждением от того, что её цель, наконец, стала видимой. Чара закрыла глаза и снова, в который раз, вызвала в памяти карту: полотнище серого шёлка с вышитыми на нём реками, озёрами, горами, крошечными замками и неровными очертаниями городов, цветными линиями границ земель разных лордов, серой неаккуратной блямбой Горелых Земель, распластавшейся на треть полотна, и чёрной ломаной линией Разлома за ними, голубыми петлями Водопадов, далёкими островами в синем море и крохотным пятнышком земель Лугового замка…

Ранним утром они пересекли Великую реку равнин на широком, неповоротливом пароме, и уже к полудню дорогу окружили крепкие стволы лиственных деревьев. Таких деревьев Чара ещё не видела. Зубчатые резные листья желтели со всех сторон – труппа Триш въехала в тот самый лес, который темнел полоской у горизонта с башни замка Инур. Земли гостеприимного лорда остались на том берегу, а здесь хозяйничал другой лорд – Анариа. Чара вспомнила, что его владения простирались далеко на юг, между двух рек. Хорошо отдохнувшие, лошади бежали бодрой рысцой.

Чара собиралась забраться в фургон, когда это случилось. Раздался оглушительный треск, и впереди, ломая ветви и роняя листья, над дорогой накренилось большое дерево. Атто что-то прокричал, изо всех сил натягивая вожжи, но лошади рванули, обезумев от страха, задрав головы и хрипя. Дерево падало. Чара, словно во сне, смотрела, как оно медленно-медленно коснулось гнедой спины Бодряка, и он исчез, исторгнув леденящий душу смертный вскрик. Мигом раньше Лентюх дёрнулся вправо, обрывая постромки, и тоже исчез за густой кроной.

Фургон натолкнулся на обломок дышла, просел передом, подбросив задок, и завалился набок, в глубокую канаву на обочине. Чару выбросило с козел ещё при ударе. Её полёт продолжался так долго, что она успела услышать чей-то отчаянный крик. Потом последовал тяжёлый удар о землю, и голова взорвалась болью, растаявшей в темноте.

Первым вернулся слух. Грубые голоса… Бранная речь… Протяжный, словно вой, стон.

«Разве может человек издавать такие звуки?» – вяло подумала Чара и попыталась открыть глаза.

Прямо над ней торопливо спускал штаны грязный мужик, заросший чёрной бородищей по самые глаза. Он отчаянно пыхтел над завязками.

Чара открыла рот для крика, повернула голову и захлебнулась от ужаса – зрение милосердно двоилось, скрывая детали. Карик, распластавшийся в шаге от неё с разбитой головой, был, несомненно, мёртв. Она лежала на краю дороги, а прямо над головой торчал из канавы грязный обод колеса фургона. Руки не слушались, и попытка дотянуться до ножен ни к чему не привела.

В тот самый миг, когда Чара собиралась обречённо закрыть глаза, на землю упала тень.

С неба свалился человек, прямо на бородатого. Падая, он увлёк его за собой.

Воздух наполнился криками, топотом и чудовищным храпом. Бородатый и тот, другой, шумно возились у её ног. Чара сцепила зубы и, преодолевая головокружение, с огромным трудом приподнялась. Её сразу стошнило, но зато получилось сесть, опираясь на руки.

Бородатый, связанный по рукам и ногам, лежал в дорожной пыли, неприлично показывая небесам голый зад. Над ним, крепко упираясь ногами в землю, озирался Страж. Светлые волосы торчком, в грязной куртке. Над дорогой носились Крылатые кони. Поодаль ещё два Стража пинками сгоняли в кучку ошарашенных оборванцев.

Чара поднялась на ноги. Перед глазами поплыло, она покачнулась и не упала только потому, что её подхватила твёрдая рука Стража. Боль грохотала в мозгу кузнечным молотом, и она не смогла поднять голову, чтобы увидеть лицо своего спасителя, взгляд остановился на одной из деревянных пуговиц его куртки, где-то в районе груди.

– Всё хорошо, – глухо сказал он, продолжая её поддерживать.

– Где… все? – прошептала Чара, разлепив губы.

– Сейчас. Мы всех найдём.

Он медленно тронулся прочь, уводя её от Карика, от его искажённого лица и ужасной раны на затылке. Так, словно думал, что она могла этого не заметить.

На противоположной стороне дороги канавы не было, и Страж усадил Чару на пригорок за обочиной, заросший пыльной, пожухшей травой. Он отстегнул от широкого ремня флягу

и присел на корточки, заглядывая ей в лицо. Глаза у него оказались тёплыми, светло-карими и смотрели сочувственно.

Пока она пила, подошли ещё двое Стражей. Они принесли и положили рядом с Чарой Лорда Всезнайку. Он был бледен, словно неживой, но тихо стонал в беспамятстве.

– Ноги перебиты. Из-под повозки вытащили.

– Ещё кто-нибудь? – тихо спросил товарищей её спаситель.

Чара посмотрела вверх. Один из Стражей хмуро покачал головой.

– Пусть роют могилу. И дерево с дороги надо убрать, – коротко распорядился кареглазый. – Юну отправь к лорду Анариа, пусть забирают, – мотнул он головой в сторону связанных оборванцев, – этих…

– Рикон, – обратился к нему третий Страж, смуглый и широкоплечий, – там конь уцелел. Но подойти не даёт, бьётся… Что делать с ним?

– Не… не… – Чара сползла с пригорка.

Тот, кого назвали Риконом, снова подхватил её, помогая встать.

– К-конь. Г-де? – с трудом выдавливая из себя бьющие болью слова, она беспомощно оглянулась на Лорда Всезнайку. – Ю-г-горь… Помогите?

Стражи отвели глаза. Чара сгорбилась, пробормотала: «К-конь…» – и, пошатываясь, неуверенно пошла туда, где густая крона упавшего дерева перегораживала дорогу. Страж двинулся следом.

Лентюх запутался в обрывках упряжи и стоял под самыми деревьями, мелко дрожа, с головой, прижатой к груди, весь в пене. Добрый глаз его закатился, отсвечивая белком. Меринок хрипел и начинал биться, потом замирал снова.

Чара покачнулась. Ухватилась за рукав куртки Стража и закрыла глаза, собираясь с силами. И вдруг услышала, очень отчётливо, как бешено молотит сердце несчастного Лентюха. Она поймала этот сумасшедший ритм и, шагая к коню, задышала с ним в такт, постепенно выравнивая дыхание. Когда её ладонь коснулась горячей шеи, мерин успокоился и перестал хрипеть. А у неё внезапно перестала кружится голова…

– Лентюх, толстячок, – ласково приговаривала девочка, выпутывая бедолагу.

Меринок прекратил трястись и покорно позволил ей ползать у себя под брюхом.

Рикон озадаченно наблюдал за ней. Уцелевшая в бойне худенькая девчонка пришла в себя на удивление быстро, но она ещё не знала, что сталось с женщиной. Возможно – её матерью…

Чара сняла уздечку, освободив разодранные в кровь губы Лентюха, и оставила его, стреноженного, но почти спокойного.

– Он боится ваших Крылатых, – с укоризной сообщила она Стражу. Помедлила и продолжила, уставившись ему в лицо прозрачными зелёными глазами:

– Спасибо, что спас. Что с нами будет теперь? – Её голос звенел напряжением.

– Скоро прибудут люди лорда Анариа. Это его земли, они обязаны помочь вам.

– А вы? Просто улетите? И всё?

Рикон нахмурился:

– Мы похороним твою семью. Передадим лихих людей охране лорда и улетим. Да. – Он поймал взгляд девочки и продолжил:

– Дорога – длинная. Вы на ней не одни. И это – не единственная шайка в здешних местах.

Девочка опустила голову и пробормотала:

– Извини…

– Не надо, – Страж поморщился. – Всё в порядке. Как твоё имя?

– Чара. – Она снова подняла на него глаза.

– Рикон-Страж, – представился он. – Мне жаль, что вас заметили так поздно. Мы пол-Луны вычищаем эти леса от лихих людей, не думали, что они уйдут так далеко…

– Значит, Стражи занимаются и этим?

– Чем? – опешил от неожиданности Рикон.

– Охраной дорог.

– Иногда, – неохотно согласился он, откинув назад светлую чёлку, свесившуюся на глаза. – Если местные не справляются, они зовут нас.

– Вас можно позвать? – Её голос упал до благоговейного шёпота.

Такая интонация в устах деревенской девчонки была ему куда понятнее, чем то, как свободно она говорила прежде, но он испытал разочарование. И ответил сухо, назидательно:

– Лорд-хозяин Земли может позвать нас в случае крайней нужды или прямой угрозы его народу. Лекари могут позвать нас при угрозе мора людей или скота.

– Я поняла, – резко прервала его Чара, возвращаясь на дорогу. – Деревенская девчонка не может позвать Стража.

Она посмотрела на него с горечью и продолжила уже тише:

– Даже если она в крайней нужде и её семье грозит смерть, Стражи спасут её, только если заметят…

– Эй, Чара, так тебя зовут? – Рикон шагнул за ней следом. – Стражи не могут и не должны дежурить возле каждой девчонки! Есть вещи… – он помолчал, подбирая слова, – от которых Стражи защищают всех девчонок сразу. И их родителей. И весь мир Трёх Лун!

– Да-да, – равнодушно отмахнулась от него растрёпанная белобрысая спутница. – Вы караулите Переходы… Знаю.

Она даже не оглянулась, направляясь к своему товарищу. Лишь украдкой подняла глаза к узкой полоске неба, зажатого между жёлтых стен осеннего леса. Там, высоко, кружил Рок и остальные Крылатые его отряда.

Рикон вдруг рассердился и сам удивился этому – он чувствовал, что девчонка в чём-то права.

– Ты можешь позвать меня, – неожиданно произнёс он, с изумлением слушая собственный голос.

Девчонка замерла, её спина напряглась под тонкой тканью перепачканной рубашки. Она медленно обернулась и спросила:

– Как?

– Лекари. Они есть в любом городке или замке. Моё имя Рикон-Страж, помнишь? Мне передадут через Гонцов, где бы я ни был. Только имей в виду…

– Что я могу оторвать тебя от спасения мира? Я не позову тебя просто так. – Теперь она стала необычайно серьёзной. Бледное от природы лицо побелело ещё сильнее, лишь горела непонятная страсть в глазах да глубокая ссадина на лбу пламенела отчётливо. – Но однажды я позову тебя, Рикон-Страж. И ты тоже запомни моё имя. Чара.

Она отвернулась и решительно зашагала к своему попутчику. Рикон-Страж остался стоять столбом возле перевёрнутой повозки.

– Что происходит? – вкрадчиво полюбопытствовал с неба Рок.

– Отстань! Потом расскажу, – мысленно отрезал Рикон и присоединился к своим товарищам, которые пинками и окриками заставляли пленных копать глубокую яму в стороне от дороги.

Тела убитых уже лежали рядом. На женщину было страшно смотреть. Толстяк, тело которого вытащили из-под телеги, отделался легче всех – он просто сломал шею. Второго мужчину зарубили топором, и тоже – сзади. И мальчишка… Он явно бросился защищать Чару, но не добежал.

Рикон обречённо вздохнул:

– Плохо, что они все в одной могиле… Этих, – он указал на тела двух разбойников, с которыми разобрался кто-то из пассажиров повозки, – вниз, и землей присыпьте, потом – остальных. Я позову девочку.

Тоов-Страж молча кивнул в ответ.

Чара приложила ладонь ко лбу Лорда Всезнайки, покрытому холодной испариной. Закрыла глаза. Поискала в памяти *слово*, способное помочь, и не нашла. Её охватили отчаяние и гнев. Она зажмурилась изо всех сил и взмолилась низкому небу, этой пустой дороге, шумящему лесу вокруг – о помощи. *«Ткэндоирэ»*, – *прошелестело* у неё в голове и мелькнула изящная вязь. «Ткэндоирэ», – шёпотом повторила Чара, вспоминая нелепую, дёрганую походку Югоря. Как смешно он косолапит, выворачивая длинные ступни. Какие острые у него колени, когда он сидит.

Лорд Всезнайка дёрнулся всем телом и громко, мучительно застонал, а потом затих. Чара посмотрела на его ноги. Они больше не были неестественно вывернуты. Лежали ровно и прямо. Лоб под её рукой подсыхал, на бледное лицо возвращались краски.

Она метнулась к канаве и вытянула из-под груды рассыпанных вещей пёстрое покрывало Триш. Прижалась к нему лицом, вдыхая родной запах, опомнилась и выскочила обратно на дорогу…

Когда появился Рикон-Страж, Лорд Всезнайка лежал в прежней позе, по самый подбородок укутанный в мягкую ткань.

– Пора? – подняла Чара голову. Её глаза сухо блестели. – Скажи, – спросила вдруг она, спускаясь к дороге, – а как Крылатые кони узнают, кто станет их всадником?

– Не знаю, – пожал плечами Рикон, – не спрашивал.

Она стояла на краю ямы. На дне, в густеющих сумерках, белели лица. «Триш, Атто, Фонен, Карик. Карик, Фонен, Атто, Триш», – беззвучно повторяла Чара, едва шевеля губами.

Слёз не было. Боль потери оказалась так велика, что никакие слёзы не могли её облегчить. Она знала, что чёрная пасть этой сырой ямы никогда не сотрётся из памяти.

«Дитё!» – вспомнила она и прикусила губу.

«Нож – продолжение твоей руки. Отпускай его и лети, лети вместе с ним», – вспомнила она и сжала зубы.

«Не морочь девочке голову! На, детка, фрукту скушай, а этого смутьяна – не слушай!» – вспомнила она. Подбородок защекотала тёплая струйка.

«Не будь дурой, Чара! Жить, как по канату ходить – опасно, но весело! Хоп-хоп!» – вспомнила она и отступила от края могилы.

Угрюмые пленники быстро забросали яму землёй и закатили на свежий холмик круглый камень, а потом покорно позволили суровым Стражам снова себя связать.

– Люди лорда Анариа должны появиться к утру. Мы втроём останемся здесь на ночь. Одна ты не будешь, – сообщил Рикон, провожая её обратно.

– Можно покопаться в наших вещах, там было много еды. – Голос девочки звучал ровно и отстранённо. – Я не хочу трогать с места Югоря, чтобы не причинять ему лишнюю боль.

– А мы разожжём костёр к вам поближе, а пленников привяжем к телеге – будут на виду. Может, среди вещей у тебя есть какой-нибудь бурдюк? Я слетал бы за водой…

– Слетал бы… – повторила Чара почти мечтательно. – Не страшно это – летать?

– Нисколько. Только не проси… – договорить она ему не дала, гневно сверкнув глазами:

– Что я, настолько глупая, по-твоему? Всё я понимаю, – опять сникла Чара. – Пошли, Рикон-Страж, поищем тебе «бурдюк».

Рикон только хмыкнул, сползая вниз по взрытому краю канавы. Он не понимал, отчего ему так легко с этой пигалицей, словно он знает её лучше, чем собственных друзей. Отчего её нелепая независимость не раздражает, а вместо того чтобы вызывать жалость, она заставляет его испытывать чувство, похожее на уважение?

Чара вручила высокому Стражу лампу, потерявшую все стёкла, но не способность давать свет. Он послушно держал её в поднятой руке, пока Чара копалась в мешанине разбросанного скарба, стараясь не думать, не думать, не думать.

Утром на дороге появился целый отряд бравых вояк лорда. Они деловито затолкали пленников за деревянные решётки своего фургона и предложили Чаре подвезти и её. Получив вежливый отказ, настаивать не стали и бодро порысили прочь. Не успела улечься пыль из-под копыт их лошадей, как на дорогу опустились Крылатые кони.

Чара крепко сжимала сцепленные за спиной руки, разглядывая крылатых гигантов с расстояния в пару шагов. Когда двое из них унесли своих всадников в небо, к ней подошёл проститься и Рикон.

Его Крылатый – тёмно-гнедой, лоснящийся на солнце, вытянул длинную шею и свесил голову Стражу через плечо, раздувая ноздри и с любопытством разглядывая девочку умными, немного шальными глазами. Она не шевелилась, не отрывая от коня зачарованного взгляда.

– Прощай, Чара. – Рикон стоял так близко, что говорил, скорее, с её макушкой, где в светлых, не слишком чистых волосах запуталась тонкая веточка. – Ты справишься?

Она подняла голову.

– Прощай, Рикон-Страж, спаситель мира. Не беспокойся, у нас есть Лентюх, мы выберемся.

Девочка неожиданно улыбнулась. Эта улыбка, с задорными ямочками на щеках, совершенно преобразила её.

Рикон шагнул к приопущенному крылу своего коня, и через миг Чара осталась на дороге одна.

Глава 4

Рискачи

Сын Снежного Вихря планировал высоко над зелёной долиной, затерянной в самом сердце Небесных скал. Сверху она походила на отпечаток гигантского копыта и поблёскивала зеркалами озёр. Здесь никогда не появлялись люди, сюда не было дорог, и о существовании этого места, защищённого от ветров стенами серых скал, знали только Крылатые.

Здесь жили Матери. Здесь появлялись на свет жеребята и росли под опекой кобыл до трёх лет, пока не становились на крыло.

Взрослым жеребцам не дозволялось опускаться в долину, пока Матери не приходили в охоту, но и тогда эта честь выпадала далеко не всем. Вороной кружил под самыми облаками и ждал.

Наконец внизу показался тёмный силуэт. Он медленно поднимался, обрастая деталями по мере приближения: стали видны короткие крылья, пёстрый круп и вытянутая в неимоверном усилии шея. Матери летали плохо и неохотно, а с возрастом и вовсе теряли эту способность.

– Зачем ты здесь? – Мысль пегой кобылы-Матери была нечёткой из-за вязкого шума эмоций, которые она и не старалась сдержать.

– Снежный Вихрь прислал меня узнать, всем ли довольны Матери? Нет ли у них пожеланий? И просил передать привет Солнечному Лучу, если она будет в настроении его вспомнить, – учтиво ответил вороной, сохраняя между собой и кобылой ту дистанцию, которую она установила. Они кружили над центром долины, словно люди в парном танце.

– У Матерей нет имен. Почему он не прилетел сам, как обычно? – недовольно осведомилась кобыла.

– Снежный Вихрь больше не летает, уважаемая Мать, – ответ вороного, против воли, наполнился печалью. – Теперь его крыльями буду я, его сын.

Мать фыркнула, не приближаясь, но достаточно громко, чтобы его чуткие уши уловили этот знак неодобрения.

– Я сообщу Матерям о переменах. Здесь всё в порядке. Выжеребка завершилась удачно. Тридцать восемь жеребят. Двадцать шесть жеребчиков, двенадцать кобылок. – Мысль Матери потеплела на миг, но потом она продолжила, уже резче: – Ты можешь убираться, сын Снежного Вихря. И поскорее.

Пегая кобыла теряла терпение. Инстинкт велел ей гнать жеребца прочь, но вместо этого она сама, оборвав разговор, стала снижаться. Так резко, что вороной вздрогнул, вообразив, что куцые крылья не удержат плотненькое тело, и Мать разобьётся. Но она благополучно приземлилась, снова став одной из тёмных точек на зелёном ковре долины.

Крылатый вздохнул с облегчением и быстро покинул воздушные границы материнского табуна. Кобылы-Матери вовсе не были беззащитными. Дерзкого жеребца, посмевшего вторгнуться на их территорию без зова, скорее всего, ждала крайне неприятная смерть от зубов и копыт четырёх десятков разъярённых кобыл. А вступить в схватку с Матерью, даже защищаясь, не посмел бы ни один жеребец.

Он распахнул крылья, поймал подходящий воздушный поток и понёсся на юг стремительной тенью. Его целью были острова в Великом море.

Служить глазами и ушами отца и его всадника оказалось вовсе не так скучно, как он представил себе поначалу. Но эта служба, несомненно, нужная старикам, никак не могла заме-

нить вороному то, к чему стремилось его сердце. Он по-прежнему желал стать Стражем, но без всадника это было невозможно…

На островах лорда Тергеша он ещё не бывал. «Может быть?», – зудела в голове беспокойная мысль. Он думал так всякий раз, прилетая в незнакомое место. «Может быть, всадник ждёт именно здесь?» И пусть надежда продолжала обманывать вороного, он продолжал надеяться.

***

Чара сбивала с дерева дикие груши, сидя на узловатой, качавшейся под её весом ветке, а Лорд Всезнайка собирал их в мешок. Его растрёпанная голова мелькала в просветах между желтеющими листьями.

Прошла всего четверть Луны после нападения лихих людей на фургон Триш, а они были уже далеко от того ужасного места. Очень скоро они покинут Земли Анар в своём путешествии к Антраксу, если воспоминания Чары о карте лорда Инур были верны.

– Всё, Чара, хватит! Слезай, – позвал её долговязый Югорь, прекратив кланяться каждому упавшему фрукту.

Лентюх, который с трудом протащил между деревьями маленькую двухколесную тележку прямо по кочкам и выпирающим корням, вздрогнул. Он вскинул голову на окрик Лорда Всезнайки и настороженно прядал ушами, пока Чара с треском спускалась вниз. Покорный меринок теперь побаивался деревьев.

Чара повисела, раскачиваясь, на нижней ветви и спрыгнула на землю. Конечно, сбить груши с дерева она могла, устроив «случайный» порыв ветра, но рисковать было незачем.

Лорд Всезнайка вышагивал впереди неё к тележке, высоко вскидывая свои тощие длинные ноги. Чара улыбнулась – он всё ещё привыкал к тому, что больше не косолапил. Оказалось, что нескладному Югорю пришлось заново учиться ловить равновесие при ходьбе. Лорд Всезнайка не знал, на что были похожи его ноги, когда Стражи («Да-да, понятия не имею, как у них получилось!» – уверяла его Чара) вылечили их. Всё, что он помнил – грохот и страшная боль, от которой потерял сознание. А остальное скупо, без деталей, поведала ему Чара, когда сняла наведённый магией сон.

Югорь плакал над могилой взахлеб, как ребёнок, пока Чара ползала в овраге, собирая уцелевшие вещи. С горьким изумлением она обнаружила, что лихие люди так и не добрались до денег Триш. И серьёзный куш с Летней ярмарки, и щедрая оплата лорда Инура не достались разбойникам, забравшим самое ценное – жизни друзей. Чара присела на треснувший сундук и слепо смотрела перед собой, а руки нервно, с ожесточением теребили завязки синего бархатного мешочка с полустёртым вензелем, который тяжёлым грузом давил ей на колени. Она охотно отдала бы и его, и всё, что у неё было, за то, чтобы вновь услышать весёлый смех Триш. Но мёртвые не возвращаются. Живым нечем заплатить за такое.

Бедный Лентюх, на которого навьючили столько поклажи, что он едва тащил её, горестно вздыхал до самого городка. Там они и купили этот неказистый тарантас.

Когда совсем стемнело и весёлые искорки костра устремились в небо, Югорь, щурясь на пламя, продолжил рассказывать ей длинную легенду о Стражах, которая занимала их уже третий вечер:

– Мы остановились на Тогги-Страже? – спросил он, по привычке взъерошив жиденький чуб.

– Да. Ты говорил, что именно он спас людей от красного мора. – Чара поёжилась и подвинулась поближе к огню.

– Тогги-Страж был великаном. И Крылатый конь у него был великанский. Так гласит легенда, – Югорь усмехнулся, – но я думаю, что легенды врут, как обычно. Он мог быть и щуплым недорослем, но то, что он совершил, возвеличило его в памяти выживших…

Красный мор начался где-то на севере и покатился по миру смертельной волной. Горячка, красная сыпь по всему телу, отказ от воды и смерть. Болезнь никого не щадила. Когда стало понятно, что лекари бессильны, Тогги-Страж, оставив своего Крылатого коня, прошёл через Переход в Другой мир. Это было время, когда не то что войти – подойти к ним было смертельно опасно. В самих Переходах и вокруг них творились ужасные вещи, – пояснил Лорд Всезнайка, оправдывая своё имя. – Достаточно вспомнить судьбу Горелых Земель. А вот Тогги-Страж не побоялся и привёл лекаря из Другого мира.

Югорь пошевелил дрова в костре длинной веткой, и целый сноп искр сыпанул в тёмную высь.

– Думаю, что Страж беднягу силком приволок, – продолжил он, – но в легенде об этом не говорится. Лекарь этот заявил, что ему нужен больной, который сможет рассказывать, как протекает болезнь, пока лекарь снадобье ищет да на нём пробует. Или – пока больной не умрёт. Благородный Тогги-Страж пошёл и на это. Заразился и заперся с лекарем и своим Крылатым конём на пустынном островке в море, осколке Утонувших Земель. А через три дня и три ночи прилетел его конь в Небесные скалы с целительным зельем. И разнесли его Стражи по всем Землям. Больным оно помочь не могло, но здоровых от болезни защитило. С тех пор мир от красного мора избавился. Навсегда.

– Постой… – Чара недовольно нахмурилась. – А как же Тогги-Страж? И лекарь тот?

– А умер Тогги-Страж там, на острове. От красного мора и умер. А про лекаря – не знаю, не сказано. – Лорд Всезнайка потянулся, зевая.

– Югорь! Ты же про Горелые Земли обещал…

– Завтра, Чара. В дороге расскажу. На ночь такое не стоит. Спать не будешь.

Он снова зевнул и стал мститься на охапке сухой травы, служившей постелью.

– Да ну тебя! – разочарованно протянула Чара и прислушалась. Лентюх мирно топтался в темноте и шумно вздыхал.

Лорд Всезнайка засопел, а девочка размышляла над легендой, сравнивая рассказ с тем, что видела сама. Мог бы Рикон-Страж поступить так же? Она решила, что мог. Эта мысль согрела душу.

Коротким *словом* она неумело, но старательно возвела защиту вокруг крохотной полянки с тлеющим костром посередине и свернулась калачиком на траве. Лентюх расслабился и улёгся на землю, шумно выдохнув. Он чутко ощутил островок безопасности в окружавшей путников тьме осеннего леса.

А Чара всё не засыпала. С бессильной горечью она в сотый раз спрашивала себя: отчего не разобралась раньше в том, что давала ей магия? Ведь тогда она могла бы спасти их всех: Триш, Атто, Фонена и Карика…

Дорога давно перестала петлять среди деревьев, как пьяный бродяга. Теперь она поблёскивала мокрыми после дождя камнями, протянувшись строгой линией к плавным холмам на горизонте. Она стала шире, и дорожки попроще вливались в неё, словно ручейки в реку. Впереди и позади нелепой тележки на высоких колесах двигались фургоны, торговые телеги и верховые.

Чара правила, свесив ноги между коротких оглоблей почти под хвост Лентюху, и слушала историю Горелых Земель. Югорь, кое-как разместивший своё нескладное тело на тюках с поклажей, говорил негромко, мечтательно:

– Там были большие города, Чара! Я видел старинную гравюру однажды. Горелые Земли и Утонувшие кипели жизнью, словно муравейники: полно людей, высокие, словно замки,

дома… Похожие есть в Антраксе, но их немного – теперь так не строят. А потом случились Чёрные Дни. Земля треснула и провалилась там, где сейчас пропасти Разлома и Водопады. А материк, который мы зовём Утонувшими Землями, распался и исчез под водой почти целиком. Осталась кучка жалких пустынных островков.

Но Горелые Земли тогда уцелели. Огненный смерч высотой до самого неба прошёлся по ним позже. Там, куда он не дотянулся, шёл чёрный снег и чёрные дожди. Из людей, кто не утонул и не сгорел, многие позже поумирали от голода и болезней. Мир совсем опустел бы, скорее всего, если бы не появились Стражи. Они собрали выживших в безопасных местах, помогали…

– Но ты не сказал, почему, откуда пришёл этот огонь?

– Не сказал? – рассеянно отозвался Лорд Всезнайка. – От магов, конечно. Когда раскололась земля, появились Переходы. Через них пришли маги из Другого мира. Они сулили людям Горелых Земель всякие чудеса, уж не знаю, какие, но их приняли, им поверили. А потом эти маги не поладили между собой и принялись воевать. Да так разошлись, видимо, что и сами сгинули, и чуть не погубили весь наш мир. Вот и встали Стражи у Переходов, чтобы маги в своей земле жили, а к нам не совались больше со своей магией.

Чара стиснула ремни вожжей в руках так, что свело кисти. Сердце затрепыхалось где-то у горла, а уши и щёки горели огнём. Маги! Маги уничтожили половину мира, а она каким-то образом оказалась одной из них! Мысль о том, что Стражи охраняют людей от таких, как она, резанула сердце…

Всадник, резвым галопом обогнавший их в толчее дороги, не дал Чаре окончательно погрузиться в отчаяние. Лентюх шарахнулся, едва не вывалив седоков из неустойчивой повозки. Чара вскрикнула, Югорь громко выругался. Из его уст это прозвучало так странно, что девочка невольно оглянулась. Лорд Всезнайка съехал с увязанной поклажи и цеплялся за низенький бортик из последних сил, рискуя свалиться на камни.

– Тр-р, – натянула вожжи Чара, копируя манеру Атто. В душе шевельнулась тоскливая боль, ставшая почти привычной.

Они съехали на обочину, решив устроить последний привал перед недалёким уже Антраксом. Здесь, на юге, осень почти не ощущалась. В воздухе разливалось ленивое тепло. Лентюх застыл, развесив уши и расслабив нижнюю губу, лишь изредка отгоняя насекомых взмахом хвоста. Чара и Югорь пристроились в жиденькой тени повозки.

– И фто эта фкола? – спросила Чара с набитым ртом, продолжая начатый разговор о дальнейших планах.

Лорд Всезнайка укоризненно покачал головой и передразнил её, раздувая щёки:

– Нифефо…

– Прости, – Чара расправилась с остатками горбушки и повторила: – Так что?

– В ней учат, как учить других. И дают степень магистра, если закончить курс успешно. Я ведь и раньше об этом думал, а теперь мне ничего другого не остается.

– У тебя это хорошо получается – учить, – кивнула Чара.

Лорд Всезнайка взъерошил чуб и поинтересовался:

– А ты? Не передумала идти в свои Небесные скалы? Может, останешься со мной? Проживем и вдвоём.

Чара помотала головой.

– Нет, Югорь. Я должна идти дальше. И если у меня получится, ты услышишь, как хлопают крылья моего коня над твоей крышей. Обязательно.

Девочка посмотрела на спутника так серьёзно, что он смутился и снова запустил пятерню в свою и без того взлохмаченную шевелюру. А к вечеру они увидели с вершины холма городские огни за тёмной окантовкой стен.

Ночь на женской половине постоялого двора прошла беспокойно. В душной и влажной темноте ворочались и вздыхали чужие люди. И Чара, так же ворочаясь и вздыхая, дала себе слово, что уедет назавтра, лишь бы не ночевать здесь снова.

Простились коротко и неловко. Югорь осторожно заправил Чаре за ухо прядку волос. Его длинные пальцы дрожали. Чара хлюпнула носом и уткнулась в его жёсткую куртку, стараясь сдержать слёзы. Рядом переминался Лентюх, на его спине поскрипывало новенькое седло, которое хозяин постоялого двора выдал в обмен на повозку.

***

Самый большой из островов Морского народа носил название Неус и тянулся скалистой полосой вдоль невидимого на таком расстоянии побережья Великого моря.

Сын Снежного Вихря поостерёгся закладывать крутой вираж, опускаясь к мрачным башням Чёрного замка. Здесь господствовали сильные ветра. Он снизился по большой дуге, намереваясь опуститься на правильный восьмиугольник площади внутри стен замка. Его появление не осталось незамеченным – на сторожевой башне взлетел и забился под порывами ветра сигнальный флажок.

Люди лорда Тергеш, да и весь Морской народ в целом, отличались дисциплиной в противовес расслабленной ленце жителей равнин. Море – самый суровый лорд.

Крылатый конь бросил последний взгляд на пену яростного прибоя под скалами, из которых вырастал Чёрный замок, и нырнул под защиту его высоких стен. По сырым плитам площади к нему уже спешили два подростка с вёдрами и мягкими морскими губками – обтереть шкуру и крылья от осевшей на них соли.

– Я добрался, отец, – потянулся мыслью к Небесным скалам вороной.

– Хорошо.

Ответ пришёл немедленно, нисколько не приглушённый расстоянием.

– Заберёшь человека по имени Гросс и привезёшь сюда, к нам. И, сын, мы не хотим, чтобы это стало для тебя неприятным сюрпризом… Гросс не простой человек. Он – маг, давно живущий в нашем мире. Он служит Стражам. И служит верно.

Сын Снежного Вихря возмущённо всхрапнул, напугав старательных подростков, но ничего не ответил, оставив свои мысли при себе.

«Разумеется, вы не хотели сюрприза!» – раздражённо подумал он, оборвав мысленную связь с отцом. По жёстким перьям правого крыла, распахнутого во всю ширь, стекала чистая вода, смывая серый налёт соли. «А сообщить мне, вот так, что я сделаюсь извозчиком для мага – это не сюрприз!» Он тряхнул гривой, и брызги окатили ни в чём не повинных ребят.

Кто-то направлялся к нему из дальнего угла площади. Согнутая фигурка. Бледная лысина в венчике седых волос и Троелуние лекаря на груди.

Человечек низко поклонился Крылатому коню и поприветствовал его от имени лорда Восьми островов. Сын Снежного Вихря вежливо склонил голову в ответ.

– К ночи ожидается шторм, уважаемый Гонец. Мы будем рады предоставить тебе крышу и пищу.

Вороной вернулся к мыслям о маге. Отказаться и промочить его в дожде и брызгах штормовых волн? Но разум взял верх над досадой – он устал, а тучи могут оказаться слишком высоки, чтобы лететь над ними в свете Белой луны, дающем силу крыльям. Он ещё раз склонил голову перед лекарем.

Юноши закончили свою работу, и лекарь, знакомый с процедурой, поспешно отступил на несколько шагов. Крылатый конь отряхнулся, сильно хлопнув крыльями, и двинулся вслед за согнутой спиной своего провожатого.

Мягкий подстил, чистая вода и отменное сено – здесь хорошо принимали его народ.

Не прошло и часа, как в проёме приоткрытых ворот появился человек. Не лекарь, встречавший его. Другой. Высокий, худощавый. Узкое лицо с резкими скулами. Тёмно-серые глаза под набрякшими веками. Неулыбчивый рот. Длинные волосы, тронутые сединой у висков, перетянуты через лоб серебристым обручем. Странный запах. Непривычный. Чужой. Маг!

«Здравствуй, сын Снежного Вихря. Я – Гросс. Заглянул познакомиться, если ты не возражаешь».

Мысленная речь незнакомца была отчётливой и ровной, но вороной вздрогнул от неожиданности. Единственным человеком, которого он слышал в своей голове до сих пор, был всадник его отца, но и тот никогда не говорил напрямую. Насколько вороной знал, людям, кроме тех, кто становился парой Крылатому коню, это умение было недоступно. А вот маги, значит, могли!

«Здравствуй, Гросс», – не слишком приветливо отозвался сын Снежного Вихря, прилагая непривычное усилие, чтобы адресовать мысленную речь стоявшему перед ним магу.

***

Седло было мягким, перемётные сумы не мешали ногам, а Лентюх вышагивал по мощёной улице с важностью верховой лошади, покачивая на спине задумчивую Чару. Лорд Всезнайка последней ниточкой связывал её с самым счастливым временем в жизни. И с самой горькой потерей. И теперь эта связь оборвалась.

Чтобы добраться до Восточных ворот, нужно было пересечь весь Антракс. Чара поглядывала по сторонам, узнавая высокие дома, о которых рассказывал Югорь, и дивясь разноликим прохожим. Широкая главная улица служила продолжением тракта и сквозной чертой делила город пополам, не позволяя сбиться с пути. Чем ближе к городским воротам, тем чаще стены пестрели вывесками всевозможных лавок.

Нужную Чара заприметила издалека. Торговец не поскупился на краску, и яркая надпись занимала половину фасада. «Всё для дальней дороги», – шевелила губами Чара, читая. Лорд Всезнайка научил её этому, но получалось не слишком уверенно. Похожие на жуков закорючки букв не желали складываться в слова так же легко, как плавная вязь узоров в книге из Другого мира.

Чара перекинула поводья через перекладину коновязи, где уже смирно поджидали хозяев две одинаково бурые кобылы, и шагнула в полумрак за тяжёлой дверью. Колокольчик над ней даже не звякнул – так мало места нужно было хрупкой фигурке, чтобы проскользнуть внутрь. За рядами высоких полок, заставленных всякой всячиной, шёл негромкий разговор, но говорящих не было видно. Чара остановилась у порога, дожидаясь, пока глаза привыкнут к перемене освещения, и невольно прислушалась.

– Четыре дюжины корня петлевика. Камень с островов. Восемнадцать штук. Размер проверен. Чёрные ониксы. Три штуки. Больше нет. Семена бобойи… На кой ляд им в Арисе бобойя? – бубнил приглушённый басок.

У Чары сбилось дыхание. Арис? Невидимка говорил о Другом мире? Теперь она напряжённо вслушивалась в каждый звук.

– Откуда нам знать, Тротто? Что заказывают, то и везём, – ответил баску фальцет, срывающийся в простуженную хрипотцу.

– Хватит болтать, Крю! А ты, Тротто, считай уже. Некогда нам, – перебил обоих третий голос, полный внятно звучащей силы.

Осознав, что беседа подходит к концу, Чара тихо вернулась к двери и выскользнула в свет и гомон улицы. Позабыв, зачем вообще заглянула в лавку, она торопливо сдёрнула поводья и поволокла недовольного Лентюха на противоположную сторону. Они пересекли оба потока, попутный и встречный, как раз тогда, когда из лавки вышли двое. Низенький, худой, словно подросток, брюнет. Неброско одетый и воинственно задиравший подбородок с жидень-

кой бородкой. И крепкий жилистый шатен, аккуратно подстриженный, в добротном дорожном плаще. Последний окинул прохожих быстрым взглядом, и оба сели на лошадей, моментально влившись в поток, направлявшийся в сторону Восточных ворот.

Чара взлетела в седло и заколотила пятками по жирным бокам Лентюха. Меринок обиженно хрюкнул и одним прыжком оказался на нужной стороне дороги, чудом не придавив никого по пути.

Стараясь не упустить всадников на бурых лошадях из виду, она следовала за ними чуть поодаль. Так и миновала городскую черту, ни разу не оглянувшись. Только неприятно кольнула едкая горечь осознания, что она бесконечно что-то теряет, оставляя за спиной. Но погружаться в раздумья было некогда – прямо за городскими стенами дорога разделялась. Одна ветка сворачивала к морю и шла вдоль высокого берега. Вторая, та, по которой изначально намеревалась двигаться Чара, уходила в сторону Озёрного Края, прямо на восток. И третья, куда свернули те двое, забирала немного правее, на северо-восток.

Перед развилкой Чара придержала мерина. Впереди был путь к Небесным скалам. Но что ей, магу, было делать среди Стражей?

«Сначала узнаю всё о мире магов и себе самой, – решилась она. – Может, есть способ избавиться от этого непрошеного дара?» Подобрав правый повод, Чара послала Лентюха вслед бурым кобылам.

Глава 5

Крылатый конь

Когда Лентюх привез Чару к длинному приземистому зданию постоялого двора, уже начинало темнеть. Над дорогой нависла внушительная туча, обещавшая скорые неприятности путнику. Перекрученные стволы деревьев-придорожников грозили низкому небу корявыми сучьями.

Во дворе мальчишка-конюший растирал спину одной из бурых кобыл. Второй видно не было. Спешившись и вручив Лентюха вместе с мелкой монеткой тому же мальчишке на попечение, Чара переступила невысокий порог едальни. Ноги, поясница и плечи отчаянно болели после целого дня в седле.

Копоть на стенах помещения поглощала большую часть света чадящих ламп. Мест за грубо сколоченными столами не оказалось. Чара побрела к массивной стойке, едва передвигая одеревеневшие ноги. Ощущение, что, сползая со спины Лентюха, она так и не слезла с седла, походку явно не украшало, но ей было всё равно.

За стойкой, навалившись на выглаженную локтями посетителей столешницу, скучала габаритная дама. Грудь пугающих размеров она разместила в одном ряду с кувшинами и бутылями, которым не хватило места на полках за её спиной. Узкие глазки хозяйки поблёскивали над пухлыми щеками. Мясистый рот разъехался в фальшивой улыбке.

– Кушать будешь, детка? – поинтересовалась «дама».

Чара молча кивнула.

– Ищи местечко, я принесу. Мясо с овощами подойдёт?

Чара снова кивнула, из последних сил изобразив улыбку, ещё более фальшивую, чем у её собеседницы. Она наклонилась за сумками и упёрлась взглядом в чьи-то ноги. Момент, когда их обладатель подошёл к стойке, девочка как-то пропустила. Зато уверенный голос одного из тех, за кем ехала целый день, она узнала безошибочно.

– Калюр, дорогая, добавь нам того винца. Весеннего? – заговорщицки попросил он, звеня монетами.

Чара потянула ремни, связывающие сумки, и в этот момент что-то с глухим стуком упало на пол и покатилось ей под ноги.

Девочка подхватила маленький предмет, оказавшийся тёмным камешком, ровно обточенным по краям, и выпрямилась, зажав находку в кулаке. Чтобы увидеть лицо того, кто камешек обронил, пришлось задрать голову. Не зря он показался ей высоким ещё в Антраксе – пожалуй, и повыше Югоря.

Загорелый широкоскулый незнакомец недоуменно смотрел на девочку холодными голубыми глазами.

Чара медленно, словно во сне, поднимала руку с зажатым в ней камнем. Камень странно кололся в ладонь, словно покусывал. А в голове билось *слово*. *Слово* Огня. И она не справилась. От общей усталости, от растерянности или от всего вместе – она позволила *слову* сработать. Между пальцев брызнули лучики белого света!

Высокий оказался на редкость проворен. Он сгрёб кулачок Чары своей лапищей, накрывая источник света, и прошипел:

– Прекрати! Быстро!

Очнувшись, Чара сняла *слово* и разжала ладонь.

– Не знаешь, где присесть, малышка? – как ни в чём не бывало спросил высокий, пряча опасный камешек в кошель. – Иди к нам. Не обидим. Верно, Калюр?

«Дама» кивнула:

– Иди с Тего, детка. Он не обидит, это точно. За остальных не поручусь.

Тего подхватил сумки Чары и двинулся через плохо освещённый зал в самый дальний угол. Чара побрела следом, пытаясь понять, что же произошло.

– Что так долго? – недовольно проворчал бородатый, в одиночестве сидевший за столом. – А это ещё что? – Его высокий голос сорвался в «петуха» на последнем слове.

– Заткнись, – грубовато отрезал Тего и подпихнул Чару в спину, бросив сумки на пол. Она молча проехалась по широкой лавке до стены. Тего уселся рядом, отрезав все пути к отступлению, и уставился на девушку тяжёлым взглядом.

– Что тебе надо? Не перечь, – прервал он попытку Чары оправдаться. – Я приметил тебя ещё днём. Чего увязалась?

Она опустила глаза. Обшарпанный стол никакой подсказки не выдал. «Ты же получила, чего добивалась? Вот они, перед тобой. Говори…» Но что говорить? От Тего просто веяло опасностью. Этот человек совсем не походил на тех, с кем ей приходилось раньше встречаться.

– Вы ходите в Арис, – наконец выдавила девочка. Это прозвучало, как утверждение.

Бородатый поперхнулся тем, что отхлебнул из грубой коричневой кружки. Ощущение опасности усилилось. По коже Чары побежали мурашки, и она зябко передёрнула плечами. Тего не сводил с неё ледяного взгляда.

– Мне нужно туда попасть, – выдохнула Чара.

Сонливость и усталость исчезли. На смену им пришла отчаянная дерзость. Она подняла голову и посмотрела Тего в глаза. Что он прочёл в её взгляде? Что он вообще обо всём этом думал, так и осталось загадкой, но холод зимы вдруг исчез. Тего ухмыльнулся, доставая кошель.

– Смотри под стол, Крю, – обратился он к бородатому и протянул Чаре камень.

Чара послушно сжала его в кулаке, прикрыла ладонью другой руки и, опустив под стол, мысленно коснулась нужного *слова*.

Свет на один миг пробился через неплотно сжатые пальцы и исчез, когда она сняла *слово*.

– Чтоб мне вино в глотку не полезло! – изумился бородатый Крю. – Девчонка – маг!

Тего и Чара шикнули на него одновременно, одновременно заозиравшись по сторонам. Но никто не обратил на них внимания. От стойки плыла, покачивая невероятно широкими бёдрами, хозяйка заведения с мисками и кувшином в руках.

Чара вернула камешек Тего. Она почувствовала такой голод, что сама удивилась. Желудок болезненно сжался, требуя еды, которой пахло всё отчётливей по мере приближения «дамы» к столу.

– Вот так дела… – протянул Крю, когда они снова остались втроём. – Ты как сюда попала, дурочка?

– Сам дурак, – беззлобно огрызнулась Чара, глотая горячее варево. – Я здесь родилась.

– Дай ей поесть, Крю, – прервал бородатого Тего. – Сходи лучше, попроси для девочки молока. Не вино же ей пить?

Чара даже жевать перестала от такой неожиданной заботы. Крю удивился не меньше, вытаращив глаза и глупо приоткрыв рот.

– Давай-давай, – поторопил его Тего.

Стоило бородатому сделать пару шагов от стола, как Тего обернулся к Чаре. В его глазах горел хищный огонёк. Или это отражался свет масляной лампы?

– Не обсуждай здесь ничего. Утром поговорим. Доешь и топай спать. Я скажу Калюр, она тебя устроит, – быстро проговорил он.

Чара кивнула. У неё появилось время подумать! Хотя подумать стоило несколько раньше.

Гроза разразилась среди ночи. Чара лежала в крохотной комнатушке под самой крышей, по брови закутавшись в тёплое одеяло, и слушала, как колошматит дождь по деревянной черепице. Молнии освещали тьму за маленьким оконцем, перемежаясь с барабанным боем грома.

«Дорога раскиснет», – подумала она, засыпая.

***

Сын Снежного Вихря раздражённо передёрнул шкурой. Гросс не был тяжёлой ношей для него, да и разместился на спине умело, не мешая крыльям. Просто вороному было неприятно. Он расправил крылья и взлетел, стремительно набирая высоту в восходящем потоке тёплого воздуха над Чёрным замком. Море ещё не успокоилось, но шторм миновал. Северный ветер уносил прочь обрывки туч. Вороной с досадой отметил, что придётся лететь ему навстречу.

– Что ты делаешь в нашем мире, маг? – спросил он, когда и замок, и остров уже скрылись из виду.

– Разное, мой недоверчивый друг. То, о чём просят Стражи, в основном, – отозвался Гросс. – Лечу. Учу.

– И как давно?

– Четыре Лунных года. Мы с твоим отцом и Деллин-Стражем давние друзья.

– И что? Никто об этом не знает?

– Почему никто? Знают. Некоторые. Ты вот тоже теперь знаешь. А другим – ни к чему.

Вороной фыркнул. «Теперь!» Разумеется, Старшие не посвящали молодёжь во все тонкости дел Стражей. Но каким образом такое явление, как маг на службе Небесного Замка, могло пройти мимо него?

– Ладно. И что ты делал на Островах? Или это – тайна? – Он сверился с направлением, прикрыв глаза, и забрал немного правее, выравнивая курс.

– Для тебя – уже нет. Лорд Тергеш серьёзно болен. Даже магия не может излечить от старости. А его наследник слишком юн. Я помогаю ему выиграть время у смерти, насколько это в моих силах. Междоусобица в буйных рядах Морского народа не пойдёт на пользу миру Трёх Лун, согласись.

Крылатый конь задумался. Действительно, кроме трудолюбия и дисциплины, насаждаемой железной рукой лорда Восьми островов, Морской народ славился ещё и дурным нравом вспыльчивых гордецов. Переплюнув в этом даже горцев из Бецци. Но те вели клановые споры с незапамятных времён, никогда не упуская случая передраться, и как-то приспособились гасить свои стычки до того, как все перережут всех…

Теперь его задача предстала в ином свете. Чувствовать себя частью чего-то большого и важного было приятнее, чем быть просто извозчиком.

– Я понял, – согласился он. – Кажется, понял.

– Прекрасно, мой Крылатый друг. На это мы и надеялись. Твой отец хочет, чтобы ты полетал со мной. До тех пор, пока не встретишь своего всадника, разумеется. Видишь ли, я здорово оторван от Небесного Замка, если нахожусь в отъезде. Получаю известия только с Гонцами. А ты связан с отцом напрямую и мог бы здорово облегчить нам работу… если согласишься, конечно.

– Я подумаю, – упрямо проворчал сын Снежного Вихря, зная, что согласится.

Знал это и маг, с улыбкой подставивший лицо прохладному ветру.

***

Чаре приснился кошмар. Она подскочила с постели. Сердце заходилось, кружилась голова, в ушах стучало.

Нет. Никакой сырой, грохочущей пещеры, наполненной жуткими тварями! Она была одна в маленькой комнатке на постоялом дворе. За окном голубело промытое ночной грозой небо.

Чара посидела немного в кровати, вспоминая вчерашний день. Накануне вечером хозяйка постоялого двора проявила трогательную заботу. Принесла девушке сначала ночной горшок, а потом и большой кувшин с водой, и таз для омовений. Несмотря на свои габариты, двигалась эта женщина с проворством молоденькой девушки, приговаривая на ходу:

– Не годится девочке мыться на дворе с мужиками!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.